

Татьяна Соломатина

Радом,

или

поздняя
беременность

КААРЫ
27-37

Роддом

Татьяна Соломатина

**Роддом, или Поздняя
беременность. Кадры 27-37**

«Автор»

2013

Соломатина Т. Ю.

Роддом, или Поздняя беременность. Кадры 27-37 /
Т. Ю. Соломатина — «Автор», 2013 — (Роддом)

Идея «сериала» на бумаге пришла после того, как в течение года я ходила по различным студиям, продюсерским центрам и прочим подобным конторам. По их, разумеется, приглашению. Вальяжные мужички предлагали мне продать им права на экранизацию моих романов в околomedicalном интерьере. Они были «готовы не поскупиться и уплатить за весь гарнитур рублей двадцать». Хотя активов, если судить по персональному прикиду и меблировке офисов у них было явно больше, чем у приснопамятного отца Фёдора. Я же чувствовала себя тем самым инженером Брунсом, никак не могущим взять в толк: зачем?! Если «не корысти ради, а токмо...» дабы меня, сирую, облагодетельствовать (по их словам), то отчего же собирательная фигура вальяжных мужичков бесконечно «мелькает во всех концах дачи»? Позже в одном из крутящихся по ТВ сериалов «в интерьере» я обнаружила несколько не изменённые куски из «Акушер-ХА!» (и не только). Затем меня пригласили поработать в качестве сценариста над проектом, не имеющим ко мне, писателю, никакого отношения. Умножив один на один, я, получив отнюдь не два, поняла, что вполне потяну «контент» «мыльной оперы»... одна. В виде серии книг. И как только я за это взялась, в моей жизни появился продюсер. Появилась. Женщина. Всё-таки не зря я сделала главной героиней сериала именно женщину. Татьяну Георгиевну Мальцеву. Сильную. Умную. Взрослую. Независимую. Правда, сейчас, в «третьем сезоне», ей совсем не сладко, но плечо-то у одной из половых хромосом не обломано. И, значит, всё получится! И с новым назначением, и с поздней беременностью и... с воплощением в достойный образ на экране! Автор

© Соломатина Т. Ю., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Кадр двадцать седьмой	6
Кадр двадцать восьмой	32
Кадр двадцать девятый	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татьяна Соломатина

Роддом, или Поздняя

беременность. Кадры 27-37

Кадр двадцать седьмой

«А кто мы теперь?»

После формального стука в кабинет легко протиснулся Родин – новый заведующий отделением патологии.

– Госпитализацию к себе подпишете, Татьяна Георгиевна?

Мальцева оторвалась от вечной писанины и помахала рукой, мол, давайте сюда свою бумажку. Родин положил перед ней обменную карту.

– Разумеется, Сергей Станиславович. Показания к обсервации?

– Все семейные родзалы физиологии заняты. Хотя я мог бы сказать «кольпит».

Татьяна Георгиевна пристально глянула на жизнерадостного рыжего заведующего, на чьём лице было такое забавное выражение, что она не могла не рассмеяться.

– Ох, слава богу! – выдохнул Родин. – Я уж полагал, что вы будете меня отчитывать, грозить пальчиком и всё такое.

– Нас всех давным-давно пора высечь за хроническое персистирующее нарушение санитарно-эпидемиологического режима. Нарушаемого, заметьте, в исключительно одностороннем порядке. Захоти я положить женщину с цветущим, не мифическим кольпитом в физиологическое родильное отделение, заведующий покажет мне большую фигу – и будет прав.

– Нет вообще в природе никаких кольпитов! А семейные родзалы – это сильно отдельная песня, нарушающая здравый смысл!

Заведующая обсервацией удивлённо подняла брови.

– В конкретном случае, я имею в виду, – кивнул Родин на лежащую перед Мальцевой бумагу.

– Нет никаких кольпитов? – риторически-ехидно спросила Татьяна Георгиевна, пробега глазами обменную карту, на которой уже поставила свою размашистую подпись. – Расскажите это той даме, у которой влагалище разъехалось до сводов под головкой пло... Какой тут, к чертям, может быть семейный родзал?! – оборвалась она на полуслове и несколько ошарашено уставилась на коллегу.

– Клиент всегда прав, – равнодушно пожал Сергей Станиславович плечами.

– Я бы на вашем месте...

– Именно это я и делал на своём месте. Уговаривал все десять лунных месяцев. Точнее – дольше. С самого начала процедуры.

– И?..

– И, видимо, не всех больных война убила.

Оба заведующих снова молча поиграли в гляделки.

– Я её сегодня госпитализирую – и уже ночью придумаю срочные показания к кесареву сечению. Сниму кардиотокограмму у прикроватной тумбочки, выслушаю стетоскопом сердцебиение пеленального столика и...

– И откажите им!

– Не могу. Я, Татьяна Георгиевна, это начал, мне это и... Я же немножечко репродуктолог.

– Не скромничайте. Насчёт «немножечко». Я уже детально ознакомилась с вашим анамнезом. Рабочим, – поспешно добавила Мальцева.

– Ах, Татьяна Георгиевна! – рассмеялся Родин. – Хочешь не хочешь, нас насильно знакомят с анамнезами друг друга. Анамнезами, состоящими в основном из слухов, собранных добрыми самаритянами.

– Ладно. Госпитализацию я вам подписала – вам и...

– И не говорите, что вы не останетесь тут, чтобы проконтролировать, как я под покровом ночи творю добро во вверенном вам отделении.

– В вашей профессиональной компетенции, Сергей Станиславович, я несколько не сомневаюсь. Иначе бы Семён Ильич не выторговал бы вас к нам. Или – посреди прочих слухов – вам уже успели доложить, что я – диктатор, не вылезаящий с работы по причине полного отсутствия личной жизни?

– О, вот уж на что не жаловались сборщики и разносчики слухов – так это на отсутствие у вас личной жизни! – обезоруживающе улыбнулся обаятельный рыжий толстяк.

– Ну, про вас, знаете ли, тоже...

– Я вам сам всё расскажу во время наших бдений. Обещаю, уж что-то – а скучно нам сегодня ночью не будет!

С этими словами Родин подхватил со стола подписанную Мальцевой обменную карту и, подмигнув, элегантно выкатился из кабинета.

Сказать по правде, жизнь Мальцевой Татьяны Георгиевны, заведующей наблюдательного отделения родильного дома, входящего в состав многопрофильной больницы, действительно состояла в основном из работы, работы и работы. Не то чтобы на всё остальное не хватало времени, просто... Просто не было должного «всего остального» среди прочего остального всего. Мужа у неё не было. Детей – тоже. В её постоянных официальных любовниках числился заместитель главного врача по акушерству и гинекологии этой самой больницы. И не только числился, но и на самом деле являлся. Причём с тех стародавних пор, когда ещё никаким начальником он и не был. Недавно Семён Ильич Панин даже сделал ей очередное предложение руки и сердца, несмотря на наличие жены, троих детей и несколько недель назад родившейся внучки.¹ Сделал он его весьма забавным способом при весьма неоднозначных обстоятельствах. Впрочем, совсем недавно Татьяна Георгиевна получила ещё одно предложение руки и сердца – от двадцатипятилетнего юнца. Что в её далеко не самом молодом уже возрасте и вовсе смешно. Нет, конечно, Мадонна может себе позволить всё молодеющих парней, становящихся всё смуглее и смуглее, но... Но Татьяна Георгиевна – не Мадонна. Пожалуй, она выйдет замуж за Ивана Спиридоновича Волкова. Не Мадонна, разумеется, а Татьяна Георгиевна Мальцева. Где Мадонна, а где владелец ООО «Мандала»? Иван Спиридонович – вдовец, мужчина приятной наружности, мягко сказать – не беден. И значит, весьма неглуп. Хотя как может неглупый человек назвать что-то там, связанное с цветными металлами, «Мандалой»? А как может весьма, казалось бы, неглупая баба за сорок переспать с двадцатипятилетним мальчишкой?

– С четвертьвековым мужчиной! – назидательно резюмировала Марго, вошедшая в кабинет безо всякого стука и по-хозяйски шлёпнувшаяся на койку заведующей.

– Что?! – удивлённо уставилась Татьяна Георгиевна на свою старую подругу, Маргариту Андреевну Шрамко, старшую акушерку этого самого наблюдательного отделения.

– Да у тебя на морде написано: «Как я могла переспать с двадцатипятилетним мальчишкой?!» Вот я тебе и говорю, что он не двадцатипятилетний мальчишка, а четвертьвековой мужчина.

¹ История отношений Татьяны Георгиевны Мальцевой и Семёна Ильича Панина описана в книгах «Роддом. Сериал. Кадры 1-13» и «Роддом. Сериал. Кадры 14—26».

– Делать мне больше нечего, как об этом думать! – покраснела Татьяна Георгиевна и уткнулась в бумаги. – У тебя ко мне дело или так? – уточнила она, не поднимая голову.

– Не волнуйся. Кроме меня, твои мысли никто читать не умеет. Даже Сёма. Мужики вообще мысли читать не умеют. А женщины – умеют. Отсюда и вечные проблемы.

– Маргарита Андреевна, я очень занята. Если тебе захотелось поразмышлять о психологии взаимоотношений полов, то давай отложим.

– Дело, дело. Я решила твой кабинет переоборудовать. Ты видела, какие кабинеты у других заведующих? Я уже не говорю о начмеде или – тьфу-тьфу-тьфу! – главном враче нашей больницы! – Маргоша, трижды поплевав через левое плечо, размашисто перекрестилась на репродукцию рисунка Леонардо да Винчи «Плод во чреве матери». – И эту гадость снимем наконец-то!

– Это не гадость, это – анатомический рисунок Леонардо. И, некоторым образом, мой талисман. О чём ты, разумеется, знаешь.

– На неё беременные жалуются.

– На «неё» – это на рисунок?

– На неё – это на репродукцию! – язвительно отфутболила Маргарита Андреевна. – Или это подлинник – и тогда ты срочно должна всё бросить и купить себе гражданство державы поприличнее. Такой, где ремонты не старшая акушерка делает!

– Нечего почём зря по кабинетам заведующих шляться, раз такие чувствительные, – огрызнулась Татьяна Георгиевна.

– Вот, да, к слову о кабинетах. Не по рангу тебе этот аскетизм. Как себя подашь, так и поедешь!

– А чего такого-то?

Татьяна Георгиевна внимательно осмотрела свой кабинет, к которому давным-давно привыкла. Вешалка слева от входа. Умывальник. Холодильник, где хранились в основном растворы, а сейчас стояли ещё и флакон лиофилизированной плазмы, два йогурта и початая бутылка водки. За холодильником была «припрятана» самая обыкновенная панцирная больничная койка. Дальше – окно. Под окном – письменный стол, далеко не из самых новых. Стулья – собственно её, и, с другой стороны стола, приставной – для посетителя. Старенькая стенка, набитая книгами. И со встроенным шкафом – для её личной одежды... И всё. Дверь.

– Вот именно, что ничего такого! Те же беременные, роженицы и родильницы фыркают, что у заведующей кабинет, как у замарашки.

– Радоваться должны целевому расходованию средств! Это не просто аскетизм, это – осмысленный аскетизм!

– Люди – вообще очень противоречивые создания. Женщины – особенно! – подала ехидную реплику Марго. – Короче, я устраиваю ремонт в твоём кабинете. Главная медсестра больницы уже смету подписала.

– А откуда деньги?

– Панин выделил.

– Откуда он их выпилил?!

– Не моя забота. Моя забота – моя заведующая. Кабинет которой похож на мечту бомжа с Курского вокзала.

– Почему именно с Курского? – почти идиотически вымолвила в пространство Мальцева. И, не дождавшись от подруги ответа, беспомощно проямлила: – А где я работать буду?

– Перетопчешься! – отчеканила Маргарита Андреевна.

– Тогда я займу твой кабинет!

– Мой нельзя. Я – лицо материально ответственное. У меня там медикаменты, наркотики, бельё... Ординаторской и дежуркой обойдёшься. Днём – в ординаторской. Ночью – в дежурке.

– В дежурке спит дежурный врач.

– Значит, чаще домой будешь уходить. А не будешь – в ординаторской диванчик есть.
– На диванчике в ординаторской спит дежурный интерн.
– Интернам вообще спать на дежурстве не положено! Ну или будешь делить диванчик с интерном, – расхохоталась Марго ляпнутой двусмысленности как невесть какой остроты шутке.

– Фу! – подскочила Татьяна Георгиевна и скривила лицо. – Кофе будешь? – тут же ласково обратилась она к подруге. – Я тебе кофе сварю, а с ремонтом мы подождём, а? – чуть не заискивающе пролепетала она.

– А то, что у тебя кофеварка на подоконнике стоит – вообще ни в какие ворота не лезет! Короче, с завтрашнего дня у тебя в кабинете ремонт! Точка! Кофе буду...

Мальцева вздохнула, засыпала кофе в фильтр, налила воды и включила кофеварку. Та забулькала с кряхтением и фырканием.

– Её же, вроде, починили, – Маргарита Андреевна посмотрела на агрегат с сомнением.

– Починили.

– А что же у неё такая... эмфизема лёгких?

– Не знаю. Я в кофеварках не разбираюсь! – недовольно ответила Татьяна Георгиевна.

– Нечего злиться. Новую тебе купим. После ремонта.

– Как будто более насущных нужд нет, чем мой кабинет.

– Есть. Всегда есть более насущные нужды, чем... Нужно вставить. Тема закрыта. Ремонт твоего кабинета не обсуждается. Я просто поставила тебя в известность.

– Господи, в собственном отделении не хозяйка...

– Ты – не хозяйка, ты – начальник! – загоготала Маргоша. – А хозяйка в отделении – я!

– Только бога ради, ничего тут не делай, не посоветовавшись со мной. Не то знаю я твой стиль. Розовый диванчик, натяжные малиновые потолки и обои цвета сбесившейся фуксии!

– Ага. А тебе только дай волю – всё закатаем в серенькое такое, бежевенькое такое, бесцветненькое такое.

– Маргарита Андреевна, у тебя совершенно нет вкуса!

– Это у меня нет вкуса?! Да я...

На столе у Татьяны Георгиевны затрезвонил внутренний телефон.

– Да? Иду.

Мальцева положила трубку и направилась к выходу.

– Чтобы никаких пластмассовых цветочков в стиле «уездный бордель»! А пропадёт мой постер – убью! – строго сказала она подруге, обернувшись уже на пороге.

– Через полчаса – подвальный перекур! – выкрикнула Маргарита Андреевна вслед удалившейся заведующей.

Кофеварка издала предсмертный агонизирующий хрип. Старшая акушерка отделения налила себе кофе в чашку Татьяны Георгиевны. После чего уселась на её место, оживила экран ноутбука и углубилась в изучение сайтов с дизайнами интерьеров. В сменяющихся окнах преобладали зеркальные, изуродованные пескоструйными орхидеями встроенные шкафы, вычурные письменные столы – мечта вышедших на пенсию барби, изогнутые психоделическими кренделями стулья и пошлых фасонов диванчики колеру «вырви глаз».

Весь день присесть было некогда, потому в кабинете нужды не было. Татьяна Георгиевна упорно отгоняла тему ремонта на окраины сознания, понимая, что уж если Марго что решила, то это невозможно отменить. Можно только пережить. Ну или не пережить. Всё зависит от физической подготовки и состояния душевного здоровья. Впрочем, и не такое переживали. Всё, что крадёт у человека не слишком необходимый ремонт или, к примеру, совсем не нужные отношения, – всего лишь время. То есть – единственно значимую для человека ценность. Рождение, ремонт, отношения, следующий ремонт, ещё одни отношения, ремонт в виде переезда,

отношения в виде вступления в брак и деторождения, и – после череды ремонтов и отношений – смерть. Надо просто философски относиться к вопросу. Как там у О'Генри? Или, как положено нынче писать – у О. Генри: «Which instigates the moral reflection that life is made up of sobs, sniffles, and smiles, with sniffles predominating»². Из рыданий, улыбок и вздохов? Из фырканий! Более точный перевод – из фырканий. Жизнь состоит из воплей, ржания и фырканий. Причём фырканыя преобладают! Затеяла неутомимая Маргоша ремонт? Фыркни!

К вечеру из кабинета было вынесено всё, что можно было вынести, оборвано то, что можно было оборвать, снято снимаемое и выдраны даже навечно вмурованные в стены древние розетки. Мальцева сидела в ординаторской и смотрела в одну точку на противоположной стене, прогоняя через себя «Дары волхвов», когда-то выученные ею наизусть в пароксизме изучения английского языка. Впрочем, надо отдать ей должное – язык она выучила. Ну как – выучила? *«Хачатурян приехал на Кубу. Встретился с Хемингуэем. Надо было как-то объясняться. Хачатурян что-то сказал по-английски. Хемингуэй спросил:*

– Вы говорите по-английски?

Хачатурян ответил:

– Немного.

– Как и все мы, – сказал Хемингуэй».

В ординаторскую зашёл Родин и шлёпнулся на диванчик.

– О чём задумались, Татьяна Георгиевна?

– Да так. Ни о чём.

Мальцева тряхнула головой и приобрела осмысленное выражение лица. По крайней мере, постаралась таковое приобрести. Настроения для беседы не было.

– А я никогда не думаю ни о чём. Я или думаю о чём-то конкретном или тупо перегоняю через себя цитаты. *«Жена Хемингуэя спросила: – Как вам далось английское произношение? – Хачатурян ответил: – У меня приличный слух».* Хм! – заведующий патологией тряхнул рыжей головой. – С чего бы это вдруг я? В голове просто всплыло. Из «Записных книжек» Довлатова. Очень остроумно, да? Очень остроумно, что Довлатов не написал «скромно ответил Хачатурян». Какая дурь в голову лезет, когда у меня тут... Да. Когда сюда уже едет подписанная вами госпитализация. И не на родовую подготовку, а уже со схватками. Как бы мне этих дураков спровадить поприличнее? О чём они думали, когда всё это затевали? И главное – чем? Чем они думали?!

Татьяна Георгиевна пожала плечами:

– Это ваши клиенты, Сергей Станиславович.

– Мои, – тяжело вздохнув, согласился Родин. – Как говорила моя бывшая жена – одна из моих бывших жён! – жизнерадостно уточнил сияющий рыжий колобок, – «Что моё – то моё, что твоё – тоже моё. Особенно после развода!» Я же, знаете ли, трижды уже был женат!

Татьяна Георгиевна состроила приличествующее случаю уважительное лицо. Ну, как она полагала – приличествующее. Поскольку Сергей Станиславович сам не без иронии распространялся о своей семейной истории, то и она не против болтовни в подобном ключе. Раз уж вовсе избежать не получится.

– Трижды! О, боже мой! – покачал головой Родин, удивляясь сам себе. – Первый раз я женился сразу после выпускного вечера. Да. Сразу же после получения аттестата зрелости. Можете себе представить? Был влюблён страстно, пылко, жизни без неё не мыслил, с ума сходил!

– В одноклассницу?

² «Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слёз, вздохов и улыбок, причём вздохи преобладают» О. Генри, «Дары волхвов», перевод Е. Калашниковой.

– В кого же ещё! В кого же ещё можно быть пылко влюблённым в семнадцать лет? Не, влюблён-то был с пятнадцати. И она в меня. В школе-то особо нет выбора. Гормон бьёт по голове, а мы замкнуты в ограниченном кругу лиц, нам кажется, что времени не осталось вовсе, и это «хочу жениться!» было сродни истерическому воплю одного из моих отпрысков: «Хочу айфон!», но мои родители, в отличие от меня...

В ординаторскую вошёл Александр Вячеславович Денисов, врач-интерн, двадцати пяти лет от роду, весьма привлекательный форматный молодой человек, имеющий отменное общее образование и подающий узкоспециальные профессиональные надежды. Татьяна Георгиевна имела неосторожность с ним переспать после вечеринки в честь двадцать третьего февраля. Он ей нравился, разумеется. Иначе бы она никогда не оказалась с ним в койке. Нравился настолько, что она даже позволила себе немного в него влюбиться. Совсем чуть-чуть. Чтобы не слишком пугаться своего возраста. Чтобы проверить – способна ли она ещё на всякие романтические глупости, или уже всё – привет, сплошное благоразумие и череда резонов. И что из этого вышло? Пока ничего хорошего. Пока что молодой человек предложил ей руку и сердце, а она его подвергла практически публичному осмеянию, которое он, впрочем, выдержал с молчаливым благородством истинного стоика³. Он и сейчас был совершенно спокоен, доброжелателен, улыбчив и, признаваясь честно, невероятно очарователен в небесно-голубой пижаме, восхитительно сидевшей – а далеко не на каждой фигуре восхитительно сидят обыкновенные мешковатые курточка и штаны – на его великолепном торсе и так удачно оттенявшей его тёмно-русые густые волосы.

«Или он хорош – или фаза цикла подходящая. Или и то, и другое», – подумала Татьяна Георгиевна. Как себя с ним вести, она ещё не придумала. Как и прежде, что называется, «в рабочем порядке», минус его глупые фантазии, которые она, признаваясь, сама спровоцировала.

– Входите, юноша, входите! Добрый вечер! – поприветствовал его Сергей Станиславович. – Хотя какой вы, к чертям собачьим, юноша?! В вашем возрасте у меня уже было двое деток от разных женщин. Молодец, что не торопитесь, хотя я ни о чём не жалею! Самое главное условие счастливой жизни – ни о чём не жалеть! Точнее – не сожалеть. Вот посмотрите на животных – они начисто лишены сожалений – и любой шелудивый пёс куда счастливей нас, венца творения. Якобы венца творения. Якобы!.. Мне вот интересно, кто это нам объявил, что мы – венец? Мы сами? Тогда это необъективно.

– Добрый вечер, Сергей Станиславович.

Интерн присел на диван к Родину и уставился на Татьяну Георгиевну, сидевшую за столом прямо напротив них.

– Так вот, Татьяна Георгиевна, – продолжил развивать прерванную тему новый заведующий патологией, – мои родители, в отличие от меня, не показали сыну фигу в ответ на его истерическое «хочу!», а оплатили обручальные кольца, платье, костюм и ресторан. Так что в семнадцать лет я обременил себя узами, которые, впрочем, успешно сбросил ровно через полгода. Вы хотите спросить меня – почему?

Родин вскочил с диванчика и стал прохаживаться взад-вперёд по ординаторской.

– А вот почему! – театрально воскликнул он и, состроив отвратительную гримасу, изобразил пантомиму.

– Обезьяна наносит макияж! – рассмеялся Александр Вячеславович.

– Не обезьяна. Увы, не обезьяна! А моя дорогая супруга, в которую я был до гроба влюблён целых два года! Но это ещё не всё! Вот так она пила чай!.. А вот так вот надевала поданное ей пальто!.. Так шла по улице!..

³ История отношений Татьяны Георгиевны Малыцевой и Александра Вячеславовича Денисова описана в книгах «Роддом. Серил. Кадры 1-13» и «Роддом. Серил. Кадры 14—26».

Все ремарки заведующий отделением патологии сопровождал короткими, но очень точными и ёмкими движениями.

– Вы удивительно талантливы, Сергей Станиславович, – с искренним восхищением прокомментировала его захватывающие ужимки Мальцева.

– Я пять лет проучился в театральном училище, – сказал Родин: – Что правда, на актёрском отделении – только два года. И ещё три – на сценарном. Разочаровался и в лицедействе, и в написании подробных инструкций для марионеток. И потом поступил в медицинский. Но вернёмся к моей первой жене. Благодаря ей я быстро повзрослел. Я стал раздражителен, как взрослый, в свои смешные семнадцать, сменившиеся не менее смешными восемнадцатью. Я реально ощущал себя Каианом, который вот уже почти тысячу лет слушает, как сёрбает чай его Сара, или как там звали всех этих бытийных баб? Ведь в Бытии, что характерно, указаны только мужики. Вы читали Бытие, Александр Вячеславович?

Татьяна Георгиевна с интересом глянула на интерна.

– По рождении Малелеила, Каиан жил восемьсот сорок лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Каиана было девятьсот десять лет; и он умер.⁴

– Вот! – воскликнул толстячок Родин. – Мне исполнилось всего восемнадцать, но мне казалось, что ещё несколько дней рядом с ней – и я умру! Как всего несколько месяцев назад мне казалось, что ещё несколько дней без неё – и я умру! Должен вам заметить, друзья мои, что разводиться было куда трудней, чем жениться. Трудней – и трагичней.

– Мотайте на ус, Александр Вячеславович! – ехидно брякнула интерну Татьяна Георгиевна.

– Никогда, ни один из моих разводов не давался мне так тяжело, как первый! Хотя детьми мы, слава богу, не обзавелись. Она сперва не хотела разводиться, устраивала жуткие истерики – в восемнадцать лет сил на истерики – ого-го! Впрочем, иные бабы и даже мужики и до старости лет не находят более конструктивного применения душевной энергии, чем истерики. Истерики и сожаления – бичи человечества!

– Ваш театральный институт многое объясняет, – сказала Мальцева.

– О, я не потому так склонен к актёрству, что окончил театральное училище, я в театральное училище пошёл, потому как склонен к актёрству. Но потом оказалось, что всё это – фальшивка. Полная, абсолютная, окончательная фальшивка. Не помню, в каком-то из рассказов не помню кого был замечательный персонаж – он мог быть только персонажем. Вне персонажа его как бы и не существовало.

– Курт Воннегут. «А кто я теперь?», – подсказал Родину интерн.

– Точно! Гарри Нэш, который и телом и душой превращался в то, что необходимо было автору и режиссёру. В обыкновенной жизни будучи абсолютной, законченной, тишей посредственностью.

– Помнится, девица, влюбившаяся в него, нашла выход из положения? – подключилась Мальцева.

– Именно! «Всё зависело от пьесы, которую они читали вместе в это время». Такова была и моя вторая жёнушка. Безобиднейшее, серейшее существо. Ныне актриса, что называется, первого медийного ряда. Её знают в лицо и обожают целевая аудитория отечественных сериалов и читатели, точнее сказать – читательницы, дешёвенького глянца. Знают и обожают, не подозревая, какой это на самом деле пустопорожний пенопласт. Когда-то я тоже купился на хорошенькое личико, ладную фигурку и страсть, с которой она изображала Джульетту в куросовом спектакле. «Зачем ты здесь и как сюда проник? Ограда неприступно высока, за ней же – смерть, коль кто-то из родных тебя узнает». Угадайте, кого я играл?

⁴ Библия. Ветхий Завет. Бытие. 5:13, 5:14.

– Неужели Ромео?! – невольно хихикнула Татьяна Георгиевна, оглядев круглого, солнечного, слегка ужимистого Родина.

– Да! Ромео, сыгранный характерно – весьма! – поклонился он Мальцевой. – Это был экспериментальный спектакль, потому как трагедийный Шекспир всерьёз – по силам или полным дилетантам, или же китам от профессионалов экстра-класса. Но я сейчас не о теории театра. Во время постановки я влюбился! Страстно, сильно, пылко влюбился в... пустышку. Через два года режиссура нашего брака потерпела фиаско – и мы расстались, произведя на свет чудесную рыжую малышку, куда более живую и непосредственную, чем её мамаша. Моей второй бывшей жене повезло найти более талантливого и, мало того, профессионального режиссёра, понявшего, какие пьесы с ней стоит читать. Моей дочери от брака с этой бесцветной женщиной тоже очень повезло – режиссёр стал прекрасным отцом. Я же благополучно перевёлся с актёрского на сценарный, с отличием окончил театральное училище, навсегда получив иммунитет к актёрской профессии, которая суть – ничто. Актёры – куклы, за редким, редчайшим исключением. Они просто повторяют то, что написал такой специальный человек – автор, и слепил из них не менее специальный человек – режиссёр. Нет плохих актёров – есть дрянные пьески и отвратительные режиссёры. И потому третий раз я влюбился, уже поступив в медицинский институт. Влюбился, разумеется, страстно, пылко и...

– Навсегда! – дополнила Мальцева.

– Ну да! – радостно мотнул головой Родин и, с размаху шлёпнувшись на диванчик, принял позу мыслителя. По всей видимости, он хотел выдержать паузу при переходе от сцены почти комической к сцене практически трагической – с третьей женой он развёлся совсем недавно, жил дольше всего и расставался, соответственно, сложнее. Но тут в ординаторской зазвонил внутренний телефон. Татьяна Георгиевна и Александр Вячеславович рванули к трубке одновременно и чуть не стукнулись лбами.

– Вы! Прошу! – чуть залилась краской заведующая, мысленно выругав себя душой.

– Да? – совершенно спокойно сказал в трубку интерн, пару секунд послушал и положил. – Вас, Сергей Станиславович, вызывают в приёмное.

– Идёмте, Александр! Тут сегодня такая пьеса состоится, любой драматург... – сказал Родин чуть с горечью и махнул рукой. – Надеюсь только, что сегодня состоится премьера всё-таки комедии. Тьфу-тьфу-тьфу! – заведующий патологией трижды постучал по двери, прежде чем выйти. Денисов отправился вслед за ним, кинув испытующий взгляд на Татьяну Георгиевну. Она сделала вид, что её очень интересует справочник Международной классификации болезней, лежащий на столе. Александр Вячеславович открыл было рот, но тут вернулся Родин.

– Татьяна Георгиевна, ваш кабинет всё равно разорён и опустошён вашей неумной старшей акушеркой. Идёмте с нами. Что за театр без зрителя? А там есть на что посмотреть, уверяю вас.

Последнюю фразу Сергей Станиславович произнёс всерьёз и озабочено. На последней фразе из склонного к театральщине балагура он удивительным образом преобразился в того, кем был на самом деле – в серьёзного, знающего, умелого и сопереживающего людям врача.

В приёмном покое имелись в наличии: акушерка дежурная, несколько растерянная, с плещущимся в глазах недоумением – одна штука; дебелая санитарка, презрительно прищуренная, в полной готовности пресечь любое безобразие – одна штука; и, собственно, «безобразие» – отчаянно ругающаяся молодая девица, придерживаемая с одной стороны импозантным мужчиной лет сорока пяти, с другой – красивой дамой лет сорока. В тот момент, когда вслед за Татьяной Георгиевной в помещение приёма вошли Родин и врач-интерн, девица скорее страстно, чем сильно, стукнула себя кулаком по выдающемуся животу и заорала:

– На тебе, на тебе! Пусть и тебе будет больно!

– Юлия, немедленно прекрати! – воскликнула красивая дама лет сорока, побагровев от ярости.

– Юленька, перестань так делать! – умоляюще пробормотал побелевшими губами импозантный мужчина лет сорока пяти.

– Боже мой! – заполошно прошептала вскочившая со стула и прижавшаяся спиной к стеночке акушерка.

– Баловать надо было меньше! Тогда бы и вести себя умела, и приплод в подоле не принесла бы! – раздалось сухое скрежетание из поджатых губ санитарки. – Вот, Татьяна Георгиевна, – обратилась санитарка к Мальцевой, – любуйтесь! Плоды современного воспитания! Как трахаться – так по-другому, поди, голосила. А теперь собственное дитя кулаками колошматит! – и санитарка осуждающе покачала головой.

– Дура! – коротко бросила санитарке Юлия-Юленька и истошно завопила: – А-а-а!!!

– Зинаида Тимофеевна, уймись! – добродушно бросил санитарке Родин. – Леночка, ты оформила историю? – ласково поинтересовался он у акушерки.

Та испуганно кивнула.

Сергей Станиславович сохранял завидное спокойствие. Александр Вячеславович не очень понимал, что происходит, но раз двое присутствующих в приёмном покое заведующих отделениями не видят, судя по выражению лиц, ничего необыкновенного в том, что роженица колотит себя кулаками по животу, то и его дело маленькое: стоять, наблюдать, исполнять «куда пошлют».

– Светлана Николаевна, Игорь Моисеевич, познакомьтесь, это Татьяна Георгиевна Мальцева, заведующая отделением обсервации, – тоном, более уместным на светском рауте, представил Родин коллегу своим клиентам. – И Александр Вячеславович Денисов, врач акушер-гинеколог, – добавил он так же вежливо, и субординацию соблюдая, и молодого доктора без лишней надобности не ткнув носом в его подвешенное состояние. Потому как врач-интерн – это уже не студент, но ещё и не врач. Но мало кто из «старослужащих» коллег упускает случай лишний раз публично скомандовать молодому: «Место!» Медицина – она сродни армии. Портянки, что правда, стирать не заставляют, но за пивом послать могут как с добрым утром. – Татьяна Георгиевна, это Светлана Николаевна и Игорь Моисеевич Лазаревы – биологические родители.

– Надо же, Моисеевич! – ехидно брякнула санитарка. И тут же следом удивлённо переспросила: – Какие родители?!

– А-а-а... – понимающе протянула акушерка и села, наконец, на стул.

– И Юлия Степанова, суррогатная мать, – продолжил Родин, оставив без ответа вопрос Зинаиды Тимофеевны.

– Я тебе потом расскажу! – осадила санитарку акушерка.

Та, явно обидевшись, схватила за ведро и пошла им греметь, ворча себе под нос что-то явно не слишком печатное.

– Юлия Андреевна! – рявкнула суррогатная мать и снова скорчилась от схваточной боли.

– Юлия Андреевна, вы явно аггравируете, – ласково обратился к ней заведующий патологией. – Или, говоря проще, переигрываете... – Я вас предупреждал! – строго посмотрел он на биологических родителей. – Вы не передумали?

Те отрицательно замотали головами.

– А-а-а!!! Да что вы с ними разговариваете?! Делайте что-нибудь! Ублюдок – их, а больно – мне!

– Юлия Андреевна, если вы будете вести себя подобным образом, я немедленно дам вам наркоз и прооперирую!

– Не надо меня оперировать! Что же мне потом из-за них, – злобно сверкнула она глазами в биологических родителей, – своего рожать тоже кесаревым?! Своего настоящего первого ребёнка!

Интерн Денисов с удивлением посмотрел на Мальцеву. Та махнула рукой, мол, подробности потом. И едва удержала себя от жеста, понятного на всех языках – покрутить пальцем у виска.

– Переводите на второй этаж в семейный родзал, – сказала Татьяна Георгиевна акушерке.

– Показания к обсервации? – уточнила та.

– Кольпит! – поспешно выступил Сергей Станиславович. – И биологических родителей переоденьте. Они будут присутствовать. У них все справки имеются.

– Будут присутствовать?! – чуть не хором воскликнули акушерка приёмного и врач-интерн.

– А, я поняла! – радостно загремела шваброй из предбанника санитарка. – Биологические родители и суррогатная мать, я видала передачу по телевизору, там тёлки эти были, которых за деньги оплодотворяют, а они...

– Тимофеевна, мы все знаем, что ты у нас очень сообразительная! – Татьяна Георгиевна вытолкала санитарку обратно в предбанник. – Сергей Станиславович, если я вам больше не нужна, я пойду обратно в ординаторскую, у меня очень много работы! Да, очень много работы. Забирайте с собой Александра Вячеславовича и... И не разнесите мне семейный родзал!

Ровно через полчаса мрачный как туча Родин притащился в ординаторскую обсервационного отделения. В одной руке у него была история родов, в другой – бутылка коньяка.

– Я так, с кофе... Не напиваться, – он поставил бутылку на подоконник. – Хотя очень хочется, – он вздохнул. – Видал я идиотов, но таких...

– Всё в порядке? – номинально-сдержанно поинтересовалась Татьяна Георгиевна, взяв следующую историю из висившейся перед ней кипы.

– Первый период в самом начале, – уныло вздохнул Родин. – Я надеялся, что она поступит на родовую подготовку, я отправлю этих кретинов домой, а сам... Так она рожать завелась. И теперь я их не то что отправить куда-то – с места сдвинуть не могу!

Татьяна Георгиевна никак не реагировала на тексты Родина.

– Намеряете на побыть в одиночестве? Не получится! – расхохотался Сергей Станиславович. – Ночные бдения в ординаторской существуют не для одиночества. Для одиночества, милая моя коллега, существуют наши тоскливые холостяцкие квартиры, в которые мы стараемся пореже попадать. Ну, то есть так складываются обстоятельства, что мы туда редко попадаем! – и он снова мрачно заухал.

Мрачность заведующему патологией совершенно не шла. Слишком он был для мрачности рыжий, и жизнерадостный, и...

– И вы думаете «Родин бабла срубить хочет, а я-то тут причём? Что ему ещё от меня надо, кроме любезно предоставленного семейного родзала в обход санэпидправил?»

Татьяна Георгиевна положила историю обратно в кипу и посмотрела на Сергея Станиславовича с улыбкой. Ей импонировала его несколько с виду разгильдяйская и панибратская откровенность.

– Давайте уже свой кофе с коньяком.

– Вот-вот. Вот это правильно! – Родин засуетился, налаживая кофеварку. – Были у меня всякие. И такие, и эдакие. Они и у вас, уверен, были.

– Я не занимаюсь репродуктологией. Но были всякие, – улыбнулась она. – И ничего я не думаю, Сергей Станиславович. Все бабла хотят срубить. Раз уж заработать невозможно. А у вас ещё и трое детей...

– Да, – каким-то своим мыслям растерянно ответил Родин. – Нет! – воскликнул он уже с совсем другой интонацией, горячо. – Есть у меня баба.

– Я в этом не сомневаюсь! – иронично вставила Мальцева.

– Да нет! Не в том смысле, что у меня бабы нет, хотя лучше бы не было, а в том смысле, что есть у меня баба – профессиональная суррогатная мамаша. Опытный гестационный курьер. В дверь ординаторской постучали.

– Да! – отозвалась Мальцева.

Вошёл интерн Денисов.

– Сергей Станиславович, биологические родители вас зовут.

– Зачем?

– Юленьке больно! – скопировал он манеру Игоря Моисеевича, потешно воздев руки.

– Перетопчутся! – резко бросил Родин. – Там Вера Антоновна есть. Если что-то действительно серьёзное, она меня сама мухой вызовет. Пока я кофе с коньяком не выпью, никуда не... Интерн, вы знаете, как Всемирная организация здравоохранения рекомендует называть суррогатных матерей?

– «Няня на срок вынашивания» или «гестационный курьер».

– Молодец, садись, пять. В смысле – будешь с нами кофе пить с коньяком. Если вы не возражаете, Татьяна Георгиевна?

– Не возражаю.

Александр Вячеславович вполне вальяжно расселся на диванчике. Ночь в роддоме – такое время. И заведующий может интерну кофе с коньяком сделать, ничего необычного. Обратная сторона неуставных отношений.

– Я, интерн, как раз рассказываю, что есть у меня такой профессиональный гестационный курьер. Уже денег на гражданство Российской Федерации и квартиру в ближнем Подмоскowie заработала себе этим делом. Приехала она лет десять назад из Молдавии, с мужем. Здоровая баба, с коэффициентом интеллекта как у шимпанзе. Ну, может, чуть меньше. Сообразительная, социально-адаптированная. Флегматичная, – особо подчеркнул Родин. – Двое своих деток уже имелись – у бабушки в молдавской деревне проживать пока остались. Муж туда-сюда помыкался, то шофёром, то штукатуром – шиш с маслом. Она тоже – то полы мыть, то... В общем, тяжело им в Москве жилось. Так первым муж сообразил. В газетке объявление вычитал, что требуются доноры мужского генетического материала. Ну и пошёл он драть в стаканчик на конвейерной основе. Вот уж я не понимаю женщин, беременных от донорской спермы «втёмную». Они бы того молдаванина видели – так на одном гектаре бы с ним срать не сели, уж простите. Его же как описывают при подаче материала? Высокий шатен, карие глаза, нормостенического телосложения, черты лица пропорциональные, генетических заболеваний не выявлено. А что оно страшило дурноватое и нос вытирает размашистым движением от локтя до запястья – так этого в анонимных описаниях нет. Что оно скандальное и считает себя пупом земли, и иногда слегка прикладывает свою смуглянку-молдаванку об дверной косяк – ни-ни-ни, когда беременная, то – бизнес! – этого тоже нигде не разыщешь. Люди же друг друга в обычной жизни по родству выбирают. Их в реальности друг к другу тянет вовсе не из-за пропорциональности или непропорциональности черт лица. Всю жизнь можно полагать, что ты любишь стройных блондинок, а потом взять да и втюриться в пышнозадую огненную брюнетку! Только потому, что тебе понравилось, как она высморкалась.

Минут десять Сергей Станиславович разглагольствовал о взаимном притяжении между мужчинами и женщинами, чем оно обусловлено и какими приятностями, а более всего – неприятностями – грозит. И делал это, надо признать, весьма занимательно. Не забыв по дороге и кофе с коньяком сварганить и подать. Татьяне Георгиевне – за стол. Александру Вячеславовичу – на диван. Со своей чашкой он уселся на широкий подоконник ординаторской.

– Это же искра, огонь! Это же пламя страсти, простите за избитую метафору. Но даже из такой страсти не всегда птица Феникс рождается. Иногда просто обугленная головёшка. А тут – от донора. Тьфу! Как будто нет другого выхода. Как будто женщина не может найти себе мужчину!

– А если может, но просто не хочет? – спросила Татьяна Георгиевна.

– Тогда зачем ей ребёнок?! Дитя – творение любви! Воспроизведение себе подобных – чудо! – Родин был близок к экстазу, неся с подоконника банальности в мир ночной ординаторской.

– И это говорит репродуктолог?! – рассмеялась Мальцева.

– А что вам репродуктолог – не человек?! Или чудеса не люди творят? Я, между прочим, хоть и агностик, но в данном случае мне близка позиция церкви, которая определяет брак как «таинство любви». Этическая ценность сексуальных отношений супругов заключается в полной и взаимной самоотдаче, где душа и тело становятся едины! И таковое единение не сводится только к воспроизводству человеческого рода. Церковь, принимая идею синергии, сотворчества бога и человека в преображении мира, отвергает в то же время всякую претензию этого самого человека заменить собой творца мироздания. Короче – деторождение – не единственная цель брака. И не единственная задача женщины.

Татьяна Георгиевна и Александр Вячеславович переглянулись.

– Репродуктолог нам, конечно, человек, – улыбнулась Мальцева. – Мало того – человек противоречивый. Вы согласны с церковью, которая отвергает претензию человека заменить собой творца мироздания, но вы... занимаетесь репродуктивными технологиями. Я одна вижу несоответствие логической предпосылки сделанным выводам?

– Так я же агностик! – расхохотался Родин. – И, кроме того, отец троих детей, как вы справедливо заметили ранее. И, видимо, трижды был един – и не трижды, если честно, – с разнообразными женщинами, и телом, и душой. Но это всё не противоречит... – он слегка запнулся. – Самый главный грех – жизнь во лжи! Вот! – победоносно изрёк заведующий патологией.

– А вы про какую церковь говорили, Сергей Станиславович? – спросил елеинным голосом интерн. – Потому как то, что мне известно о церкви православной – так они с пеной у рта колотятся именно о деторождении.

– Мало ли дураков, которые с пеной у рта колотятся бог знает обо что. Я вас, коллеги, как-нибудь обязательно познакомлю со своим другом. Вы будете смеяться – православным священником.

– Почему мы будем смеяться? – удивилась Мальцева.

– А потому что он большой остряк и балагур.

– До того, как мы начали говорить о браке, единении душ и тел и о всяком таком, вы, Сергей Станиславович, хотели нам рассказать о своём профессиональном гестационном курьере. Всё началось с того, что её высокий шатен-шофёр-штукатур стал донором спермы. И? – Татьяна Георгиевна постаралась вернуть Родин в основное русло беседы.

– И пошло-поехало. В клинике, где он регулярно сцеживался в стаканчик, – в той, где я тогда подрабатывал, собственно, – он услышал, что существует такая штука, как вынашивание ребёнка для другой женщины. В коридорных очередях процветает индустрия обучающего развлечения. Entertainment education, так сказать. Там же он узнал, что подобная работёнка оплачивается куда круче, чем три его несчастных миллилитра. Бабе его тогда тридцать лет стукнуло, но здоровье у неё было покруче, чем у иных двадцатилетних москвичек. Посреди полей и рек выросла.

– Ага, и виноградников, – подал реплику интерн.

– Ну, «виноградных детей» поминать не будем. Учитывая, что её генетический материал нам не сдался. Понятно, что её генетические дети вряд ли будут сенеками, но нас интересо-

вало её соматическое и психическое здоровье. Соматически она была здорова, как деревенская корова. Психика, как и у всех не слишком умных и образованных флегм, была максимально здоровой. Это очень важно для суррогатной матери – пофигизм. Это любой клинический психолог подтвердит.

– Так он что, сам свою жену привёл?!

– Да, дорогой Александр Вячеславович! – подтвердил Родин. – Сам. За ручку. И гонорар за вынашивание первого ребёнка для биологических родителей позволил молдавской парочке обзавестись жильём в московской области. Вот так-то!

– Это... Это как-то ненормально!

– Вы, Александр Вячеславович, позвольте спросить, москвич? – чуть подпустил сарказма Родин. – Да ещё и наверняка потомственный? Квартира от бабушки?

– Да, москвич, потомственный. От бабушки. Но я бы никогда не потащил любимую женщину...

– Знаете, мой юный друг, что постоянно твердил этот товарищ? И – особенно – его жена?

– Что?

– «Лишь бы выжить, лишь бы выжить, лишь бы выжить». И своих деток к себе, наконец, забрать. Потому что даже молдаване и прочие гастарбайтеры любят своих деток. А не только потомки недобитых большевиками помещиков, с квартирами от бабушек.

– Всё равно. Можно заняться чем угодно! Чтобы «лишь бы выжить».

Всегда спокойный и ровный Денисов стал как-то неожиданно и нехарактерно зол. Татьяна Георгиевна с любопытством наблюдала за словесной дуэлью Родина и Денисова. Или, точнее сказать, опыта и пылкости. Опыта, что приемлет многое по факту собственно опытности и старается как можно меньше судить и как можно больше если не принимать, то хотя бы понимать. И пылкости, присущей максимализму благополучной молодости.

– Чем же, Александр Вячеславович? Пойти в представители фармфирм? Для этого надо иметь соответствующее образование и мало-мальски знать английский. Устроиться работать в фонд помощи детям, бомжам и детям бомжей? Для этого тоже немало требуется. И, насколько я знаю, вы, например, подрабатываете в фармфирме, чтобы иметь возможность... ну, не знаю, девушку в ресторан сводить, букет цветов купить...

Татьяна Георгиевна быстро зыркнула на Родин. Нет, Сергей Станиславович не ехидничал про «девушек», «ресторан» и «цветы». Лично к ней в привязке к личности Денисова это не имело никакого отношения. Просто ну что ещё можно предположить, глядя на такого молодого и красивого парня, как Александр Вячеславович? Только тех самых девушек, те самые рестораны и те самые цветы. Так что сиди тихо, старая корова, и не зыркай туда-сюда попусту, не смейся людей.

– А в фондах разнообразных, я так понимаю, вы принимаете участие от широты душевной. У молдавского шофёра-штукатура широта душевная была узка в связи с тисками бытовых обстоятельств. Как умел, он любил жену, и очень любил и любит своих деток. И хотел их перетащить под бочок. И если для этого надо, чтобы его коровушка пару раз отелилась «на сторону» – ничего страшного. Своих детей она рожала легко и просто. И, разумеется, на аркане он её не тащил. Сперва переговорили по душам. Он озвучил сумму...

– Можно было пойти на стройку! – возразил Александр Вячеславович.

– Озвучил сумму, – отчеканил Родин, впрочем, вполне дружелюбно, – которую он зарабатывает за лет пять безвылазных строек – и она приняла, подчёркиваю – добровольное, настаиваю – информированное решение стать суррогатной матерью. Мы с ней, разумеется, тоже беседовали. Обследовали её вдоль и поперёк. Здоровая, в меру порядочная, эмоционально устойчивая. Последнее, напоминая, немаловажно. И вот как раз имелась парочка биологических родителей, подыскивающих гестационного курьера. Мы предложили подписать контракт через фирму-посредника, чтобы никаких личных контактов. Потому что чем меньше личных

контактов – тем лучше. Но тут наша молдаваночка – назовём её Зина – становится на дыбы и говорит мне: «Хочу познакомиться с биологическими родителями!» – «Зачем?!» – задаю я ей самый дурацкий, как известно, на свете вопрос. Она в ответ невнятно мычит, потому что Зина, признаться честно, мысли формулировать как не умела, так по сей день и не умеет. Ладно. Едем на встречу. Я, юрист, биологические родители и наша Зина с мужем. Она и прежде, и позже везде и всегда была с мужем, да. Это так, штрихи к портрету, Александр Вячеславович. У каждого свои представления о любви. И каждый любит и заботится в меру своих представлений, – не удержался Родин от лёгкой иронии опыта в адрес молодой пылкости.

– И что? – заинтересовано уточнила Мальцева. Она никогда не соприкасалась – по крайней мере, близко – с этическими, психологическими и прочими не патофизиологическими вопросами суррогатного материнства, поэтому ей было действительно интересно. Да и фиксироваться на представлениях Александра Вячеславовича о любви и заботе, прямо скажем, не время и не место.

– Разошлись, довольные друг другом. Зина в результате тяжёлой ментальной работы сформулировала-таки свои желания, ожидания и чаяния. Сказала что-то вроде – если перевести на привычный нам многословный умный русский: «Мне было очень важно знать, в какую семью попадёт этот ребёнок. Они мне показались надёжными людьми». Вот так-то! Ей было «очень важно знать», чёрт побери! Я-то считал эту тупую корову абсолютной пофигисткой, я ей сто раз объяснял, что она к «этому ребёнку» имеет примерно такое же отношение, как бушмен к английской королеве, а всё равно... Биологическим родителям Зина, в свою очередь, показалась «опрятной, спокойной, хотя и несколько глуповатой». Пришлось объяснять, что последнее – великое благо! Хотя и им, биологическим, куда более интеллектуальным, нежели Зина, я миллион раз объяснял, что суррогатная мать не обязана выглядеть, двигаться и мыслить как Шэрон Стоун. И что к их ребёнку она имеет такое же отношение, как Папа Карло к Гарри Поттеру. И вообще – приличные суррогатные матери не так чтобы стадами бродят! Всё-таки не слишком потоковое животноводство. Перекрестились, обследовались, синхронизировали циклы, прошли процедуру ЭКО – и наша Зина принялась прилежно выхаживать. Даже вела дневник. Эти идиоты – биологические родители – наняли Зине психолога, который должен был промыть ей мозги на предмет того, что она – няня, а не мама. Психолог заверил биологических, что наша Зина совсем не сентиментальна и не будет их терроризировать, шантажировать и испытывать к ним зависти. Психолог тоже была, понимаете ли, москвичка. Эмбрион прижился в Зинином организме безо всяких проблем. Сперва в этом её дневничке были записи а-ля: «Зачем-то колют много уколов. Беременность как беременность». Муженёк её, шатен-шофёр, продолжал работать, а Зина из поломок уволилась. Понятное дело. Биологические родители беспокоились. Хотя если бы она вынашивала генетически своего ребёнка, она продолжала бы совершенно спокойно мыть полы в супермаркете. Московская психолог даже посоветовала бедной Зине рассказать своим деткам, что она вынашивает ребёнка, но не братика, не сестричку и не для себя, и что это у неё просто такая временная работа. Слава богу, молдавские детки не так изнасилованы в мозг, как наши, сильно умные, и просто ничего не поняли, решив, что мама рассказывает им сказку. По телефону. Когда Зина первый раз работала гестационным курьером, её собственные детки были ещё маленькие и в Молдавии. Нынче же она богу молится, что у неё двое сыновей, а не дочь. Потому что её двенадцатилетний сын недавно в ответ на скандал за двойку по математике заявил: «Как жаль, что я – мальчик! Учись, работай! Был бы девочкой – стал бы богатеям детей вынашивать». Но вернёмся в Зинину первую «продажную» беременность...

Родина прервал звонок внутреннего телефона. Татьяна Георгиевна ответила:

– Да?.. Вера Антоновна, я тебе передам Сергея Станиславовича, ему и докладывай. Меня тут нет. И это – не мои клиенты.

Мальцева протянула трубку Родину.

– Да?!. Вера, ну я-то что могу сделать?! – Некоторое время он молча выслушивал излияния, скороговоркой текущие из трубки. – Хорошо, хорошо! Иду! – сказал заведующий патологией несколько раздражённо. – Никуда не уходите, друзья мои! Я должен окончить свой рассказ.

– Что-то серьёзное?

– Да. У данных конкретных биологических родителей, – Родин поднял глаза к потолку, – тусующихся с суррогатной мамашей в семейном родзале второго этажа, очень серьёзные проблемы. Что касается акушерства – увы, у нас всё хорошо. Ладно, пойду, может, выловлю показания к кесареву сечению.

Татьяна Георгиевна погрозила Родину пальцем.

Как только заведующий отделением патологии прикрыл за собой дверь в ординаторскую обсервации, интерн поднялся с диванчика, а Мальцева подскочила со стула.

– Что с вами, Татьяна Георгиевна? – слегка насмешливо произнёс Денисов, ласково глядя на заведующую отделением обсервации.

Как не запрещала себе Мальцева краснеть, но тут она уже ничего не могла поделать – её залило по самые уши.

– Что вы себе позволяете?! – взвизгнула она и тут же рассмеялась, потому что ну уж очень напомнила сама себе профессора Елизавету Петровну. Приехали. Истерики. Краска в лицо бросается. Уж не приливы ли?

– Я ничего такого себе не позволяю, – вкрадчиво, но не утрачивая лёгкого флёра насмешливости, проговорил интерн. – Я, Татьяна Георгиевна, всего лишь хотел позволить себе помыть чашки. Вот, видите? – он продемонстрировал ей свою чашку. – Моя. – И вот... – он аккуратно сделал пару шагов к столу.

– Оставайтесь на месте! – приказала ему Мальцева.

Интерн застыл. Улыбнулся. И медленно, плавно дотянулся до стола.

– Даже моей растяжки и гибкости не хватит, чтобы, оставаясь на месте, достать вашу чашку.

Нелепым, едва ли не клоунским движением Татьяна Георгиевна подвинула чашку в направлении интерна. Он, как и прежде оставаясь на месте, взял её.

– И вот – ваша, – констатировал он. – Моя – в правой руке. И ваша – в левой. Две грязные чашки. Чтобы их помыть, я должен пройти к умывальнику. Вы отмените приказ оставаться на месте?

– Да.

Она, стараясь не смотреть на него, села на стул и схватила верхнюю из кипы историй. Денисов помыл чашки, поставил их в шкаф и, опершись на столешницу кухонной панели и скрестив руки на груди, уставился на Татьяну Георгиевну.

Некоторое время длилось обоюдное молчание. Лишь Татьяна Георгиевна шелестела страницами.

– Не хотите ли рюмочку коньяку, Татьяна Георгиевна?

– Нет! В рабочее время пить не положено! И это Родина коньяк, а не ваш! – Мальцева несла глупости, листая историю и совершенно не понимая, чья она, зачем оказалась в этой кипе на столе, и вообще – почему она сама, Татьяна Георгиевна Мальцева, не идёт домой, если её кабинет разгромлен и спать ей фактически негде? Да и дел у неё особых... Ах, да, Родин просил подстраховать. Да нужна ему её страховка, как зайцу валенки!

– Вы и не на работе. Я только вам предложил. Родин не жадный.

– Кстати, что вы здесь делаете, Александр Вячеславович?! – заведующая резко навела фокус на интерна, надеясь, что её взгляд достаточно начальствен и никоим образом не намекает на всё произошедшее между ней и Денисовым.

– Я здесь... – он необычайно забавно огляделся вокруг себя. – Дежурю я здесь, Татьяна Георгиевна. Вашим же распоряжением до конца месяца я поставлен в график вместо Линькова.

– Да?.. Извините. Ну, если вы здесь дежурите, то идите и... И сделайте вечерний обход!

– В половине первого ночи? Татьяна Георгиевна, я уже сделал вечерний обход. В девять вечера.

Мальцева отложила историю, откинулась на спинку стула и в упор посмотрела на Денисова.

– Александр Вячеславович, вам что, доставляет удовольствие, когда я чувствую себя идиоткой?! То я оказываюсь у вас на кухне, ночью, с голой задницей, то вы мне делаете предложение руки и сердца, то...

– ... моете мою чашку! – подсказал Денисов.

– Где вы научились быть таким... Таким... Таким спокойным и...

– И упрямым. Это врождённое, Татьяна Георгиевна. Я не учился. Генетически получил. От мамы и папы.

– Кстати, о вашем нелепом предложении! – Мальцева почувствовала себя в своей колее, потому что появился повод поехидничать.

Ехидство, ирония, сарказм – вот за что цепляется сильный человек, неожиданно дав давно запрещённую самому себе слабину.

– Вообразите, что я согласилась, и что? Как бы вы повели знакомить меня с мамой и папой?! Я себе представляю! – она немного деланно расхохоталась.

– Не думаю, что мои родители стали бы требовать у вас паспорт.

– То, что я намного старше вас, не просто бросается в глаза. Это швыряется в глаза, налетает шквалом, долбит по глазам, как перепад давления по травмированной барабанной перепонке.

– Как вы избыточно метафоричны этой ночью, Татьяна Георгиевна. И как прекрасны!

Он стоял всё так же, скрестив руки на груди и опершись на столешницу кухонного уголка. И был всё так же спокоен, мерзавец!

– Кроме того, моих родителей за каким-то чёртом понесло в Антарктиду.

– В Антарктиду? – недоумённо переспросила Мальцева. – Зачем? Они полярники?

– Они забавные, упрямые и энергичные люди. И несмотря на вышеперечисленное – спокойные. Им, видите ли, захотелось постоять на Южном полюсе. После того как они там постоят, то, полагаю, ещё с полгода будут таскаться по Южной Америке... Чтобы согреться. Мой отец – достаточно известный фотожурналист. А мама – так получилось – журналист самый обыкновенный. Она пишет тексты к его фотографиям. Или он иллюстрирует её тексты. Это так переплелось, что уже нельзя сказать наверняка. Они толкают свои творения в разнообразные толстые иллюстрированные журналы. Как отечественные, так и зарубежные. Они совершенно поглощены друг другом и работой. Им нет никакого дела – в самом прекрасном смысле этого словосочетания – до моей жизни. В двадцать один год они вручили мне ключи от бабушкиной квартиры и сказали, что отныне моя жизнь – это моя жизнь.

– Вы что, не общаетесь?

– Почему не общаемся? Мои родители – мои лучшие друзья. Я всегда могу зайти к ним в гости... ну, в смысле, всегда, когда они в Москве. Равно как и они ко мне. И мы всегда можем обратиться друг к другу за помощью. Хотя они ещё ко мне за помощью ни разу не обращались, должен признать. И слава богам, – Александр Вячеславович трижды поплевал через левое плечо и трижды постучал по столешнице.

– Так не хотите им помогать? – едко сказала Татьяна Георгиевна.

– Так не хочу, чтобы возникали ситуации, когда они будут нуждаться в моей помощи.

– Нет, даже когда я совершенно не должна выглядеть идиоткой, вы всё умеете так перевернуть, что я выгляжу идиоткой!

– Но очень красивой иди...

В дверь без стука внёсся Родин. Он был уже без халата, в одной голубой пижаме. Весь потный и взлохмаченный. Рыжие патлы соломой торчали в разные стороны. Александр Вячеславович тактично прервался на полуслове.

– Что там?! – слишком поспешно поинтересовалась Татьяна Георгиевна.

– Ничего. Роды первые, срочные, тридцать девять-сорок недель, передний вид затылочного предлежания, первый период родов, воды целы, схватки по двадцать-двадцать пять, через семь-десять, – автоматически протараторил Сергей Stanisлавович. – Но там такой концерт! – Он закатил глаза. – Нет-нет, не волнуйтесь, в отделении тихо. И там не концерт. А скорее инсценировка в стиле старика Хичкока. Юлия перестала вопить и колотить себя по животу и планомерно изводит Светлану Николаевну и Игоря Моисеевича. Больше, разумеется, Светлану Николаевну. Наша славная Вера Антоновна пребывает в шоке.

– Но как же так вышло, что вы допустили к суррогатному материнству молодую девчонку, не имеющую своих собственных детей?!

– Ещё пару часов подожду – поставлю слабость родовой деятельности и прокесарю, – пробурчал себе под нос Родин. – Татьяна Георгиевна, по коньячку? Ну его к чертям, этот кофе! У меня уже в моче, пардон, концентрация кофеина явно больше предельно допустимой.

Мальцева кивнула головой. Родин достал три рюмки и вопросительно глянул на Татьяну Георгиевну. Она снова кивнула.

– Ну, раз шеф разрешает...

Сергей Stanisлавович разлил коньяк по крохотным ёмкостям.

– Сперва я закончу историю про Зину. Если вы думаете, что я забыл, то сильно ошибаетесь. Запоминать тексты – моя первая специальность. Вторая – их создавать, а третья...

– Про третью мы знаем! – остановила его Мальцева.

– Да-да, иногда я бываю излишне многоречив. Практически всегда. Итак, Зина стала вести свой простой дневничок. Пару-тройку психологов следовало бы пристрелить, чтобы неповадно было. Каждый же мнит себя Юнгом. Ну, наше здоровье!

Родин опрокинул в себя коньяк. Так же поступила и Мальцева. Интерн, лишь слегка пригубив, поставил рюмку на столешницу.

– На одной из страниц, на неделе примерно двенадцатой, в дневничке нашей молдавской Зины, прежде вполне себе эмоционально устойчивой, стали появляться записи, занимающие по две, по три, по четыре и более страниц, испещрённых одной и той же фразой: «Это не мой ребёнок. Это не мой ребёнок. Это не мой ребёнок». Психологи считают, что ведение дневника позволяет избавиться от тяжёлых мыслей. Но Зина, создание, прежде лишённое мыслей вовсе, заведя дневник, стала не только эти самые мысли у себя обнаруживать, но и фиксироваться на них. Давно известно, что навыки письменной речи очень положительно влияют на мышление. В основном положительно. То есть – у кого как. Не все психологи одинаковы умны и, соответственно, одинаково полезны. Психологи большей частью одинаковы глупы, увы. Как там у Булгакова? «Вы смеётесь надо мной за то, что я не похож на вас, а я смеюсь над вами за то, что вы все похожи друг на друга!»

– Родин! – не выдержала Татьяна Георгиевна.

– В шестнадцать недель в Зинином дневничке появилась запись: «Надо думать только о хорошем. Этому ребёнку с ними будет хорошо». Каково, да? Не «с родителями», а «с ними». И затем сразу: «Жуткий токсикоз. Если это не мой ребёнок, то почему токсикоз у меня?» – спрашивает простая молдавская женщина Зина у самой себя, потому как, вероятно, наши объяснения про механизмы возникновения гестоза, не связанные с тем, что ребёнок – биологически! – не её, Зину не удовлетворили. Зине всё время хочется кислого. И этому она тоже удивляется. Ей хотелось кислого, когда она вынашивала своих мальчиков. И раз сейчас, вынашивая, она

хочет кислого, значит?.. Ага! «Ребёнок как бы не совсем не мой». «Я – холодильник, он просто во мне хранится», – пишет Зина. Хотя мы ей объясняли, что она скорее инкубатор и ребёнок в ней «высиживается». Но нет, Зине приятней чувствовать себя холодильником, потому, что, как она объясняет врачу – то есть вашему покорному слуге, – в холодильнике ничего не происходит, продукты там просто лежат. «Но инкубатор же не мама цыплёнку?» – спрашиваю я её, игнорируя тему холодильника. Зина впадает в долгий ступор, я даже слышу, с каким скрежетом трётся извилина об извилину в её простой, доброй, прежде ничем таким не отягощённой голове. «Цыплята называются инкубаторскими», – выдаёт она мне заключение. В восемнадцать недель запись в дневнике: «Он пошевелился. Ах, моя милая рыбка! Мой котик!» После этой записи я отобрал у Зины дневник, приказал биологическим родителям уволить психолога, самолично и на собственные средства приобрёл Зине все существующие на тот момент времени творения Дарьи нашей Донцовой. Роды у Зины начались в срок. В половине пятого утра. Когда она соизволила явиться в больницу, головка плода была уже на тазовом дне, кесарево делать было поздно, хотя тогда ещё ЭКО считалось законным показанием к родоразрешению путём кесарева сечения. Напоминаю, у Зины были третьи роды. Пока я летел в роддом, акушерка благополучно приняла совершенно неосложнённые роды у нашей молдавской Зины и...

Татьяна Георгиевна ахнула. Александр Вячеславович недоумённо посмотрел на неё.

– Да-да! – кивнул Родин на Мальцеву. – Ваша начальница знает, почему ахает, господин Денисов. – Акушерка сдуру – хотя и была предупреждена! – взяла да и шмякнула новорождённую девочку Зине на пузо. И совершенно здоровая, хорошенькая девчуля нашла сосок. И вместо тупорылой, спокойной, как окаменевшее говно мамонта Зины я, залетевший в родзал, узрел дешёвое яблочное повидло, растекающееся по рахмановке, как масло по горячей сковороде: «Усюсю, моя девочка! Утипути, моё солнышко!» Охи, ахи, вздохи и потоки страстной молдавской речи. Отрывали с мясом. Всё обошлось. Утром принеслась биологическая мать, её госпитализировали в палату, где она поторчала два дня с новорождённой – и была выписана. Наша Зина написала все положенные бумаги-отказы, ей срочным образом перетянули грудь и загрузили её гормонами, тормозящими лактацию. А надо сказать, Зина корова не мясная, а исключительно молочной породы. Так что проблем из-за этого сильно стимулирующего гипофиз и, соответственно, все органы-мишени прикладывания мы поимели не только психологических. Да и то, что называется «памятью тела» со счетов не скинешь. Так что пришлось нашу прежде никогда не страдавшую какими бы то ни было видами рефлексий Зину лечить у психиатра от самой что ни на есть настоящей, а не надуманной офисной депрессии. Оказалось, что Зина знает слова «пустота», «утрата». И даже подумывала – «только не говорите мужу!» – оставить девочку себе. Но, увидев «этих людей» в родильном доме, она поняла, что «моей крошке» будет с «ними» хорошо. Зависть она к ним испытывала страшную. Подавляла ментальными аргументами. «Пусть мой ребёнок растёт в богатой семье». Через год Зина появилась у нас снова. В поисках заказа. Основными условиями выставила: с биологическими родителями не встречаться; ребёнка после родов не показывать, сразу уносить. Я с ней «отработал» ещё троих детей. Молдаване получили российское гражданство, перевезли к себе детишек, купили, кроме квартиры, домик. Шатену-шофёру была куплена новенькая среднечеловеческая машинка. И знаете, какое фото хранится у Зины в кошельке по сей день? Фото той малышки, которую она первой родила «на заказ». «Смотрите! – показывает она всем это фото с гордостью. – Она лежит на правом боку! Я всю беременность пролежала на правом боку, ну и она, значит, тоже. Моя девочка!». Фотка сделана в родильном доме. Биологические родители подарили эту фотографию суррогатной матери.

– Жуткая история! – Мальцева передёрнула плечами. – Жуткая, в какой из аспектов ни плюнь. Я вообще не понимаю... Ну... Да, брак – это не... Так каким боком тут Зина, и почему эта парочка рожает через молодую, явно неглупую и слишком красивую девицу, а не...

– Когда они появились у меня, я предложил им Зину – как имеющую большой опыт и напроць, в связи с этим, утратившую чувствительность. У Зины даже появился некий, если можно так выразиться, цинизм профессионала. Весь её материнский инстинкт зафиксировался на потрёпанной картинке чужой, первой выношенной ею «на продажу» девочки. Но эти болваны, Светлана Николаевна и Игорь Моисеевич, возжелали личного знакомства. Зина отказалась. Они затребовали Зинину фотографию. Я показал. Ознакомил их с Зининым анамнезом, ничего не скрывая, акцентируясь на главном – она здорова и у неё нет проблем с вынашиванием и родами, что очень важно для их ребёнка. Они покрутили головой, пофыркали и отказались. Потому что Зина...

– Некрасивая и глупая, – резюмировала Татьяна Георгиевна.

– Да. Я долго объяснял им, что дизайн пароварки значения не имеет, пароварка просто должна делать своё дело качественно. Что няня не должна быть красивой, даже если это «няня на время вынашивания». И уж тем более няня ни в коем случае не должна быть эмоциональной, чувствительной или слишком молодой. Но эти... – Сергей Станиславович выдержал многозначительную паузу, – вдолбили себе в голову, что у их ребёнка должно быть всё самое лучшее. И что он не будет «донашивать старое». Как будто матка – это комбинезон. Или ползунки. И бывает ношенная или ненашенная. Ей богу, иногда простые люди куда умнее этих – как бы образованных, – Родин задрал голову наверх и погрозил кулаком в потолок.

– Но есть же законодательство, – подал реплику Денисов. – И, насколько я помню, суррогатной матерью может стать только женщина, уже имеющая живых, здоровых детей.

– В законодательстве много дыр, дорогой Александр Вячеславович, – покачал головой заведующий патологией. – Не говоря уже о том, что в нашей стране за деньги всё ещё можно... всё. Например: – он скривился, как от боли. – Например, вынудить неглупого и опытного доктора принимать совместные роды «на троих».

Дверь в ординаторскую резко и широко распахнулась. На фоне тёмного коридора Вера Антоновна в белой пижаме смотрелась зловеще. Особенно учитывая то обстоятельство, что весу в ней было килограммов сто.

– Господи, ну ты прямо каменный гость, Вера! – подпрыгнула Мальцева от неожиданности.

Вера Антоновна уставилась на бутылку коньяка.

– Ну-ка! – скомандовала она интерну, кивнув на объект её пристального взгляда, – налей мне полстакана!

– Антоновна! – Татьяна Георгиевна от удивления шлёпнулась обратно на стул. Дело в том, что Веру Антоновну и в праздники-то было сложно уговорить выпить хоть немного. И тут, прямо в свою смену, на рабочем месте...

– Тань, это какой-то... Это что-то с чем-то! Я не знаю, где Сергей Станиславович их нашёл, но...

– Это они меня нашли! – оправдался Родин.

– Родин, гоните их из родзала. Свету эту чокнутую и Игоря этого тронутого. Девочка Юлия для них такое представление даёт, что я уже давно таких не видала. Ребёнка проклинает. Мне-то за что такое на старости лет слушать?!

– За то, что ты акушерка! – строго сказала Мальцева. – А будешь на старости лет жаловаться, так я тебе быстро устрою пенсию!

Денисов поднёс акушерке полную рюмку коньяку.

– Всё, выпила залпом – и работать! – кивнула ей Татьяна Георгиевна.

– Хоть закусить бы чем дали человеку в возрасте, – снизила обороты с возмущённых до кокетливых Вера Антоновна. – И вообще, на такой «блатняк» в следующий раз Марго вызывай.

– Вызову, – елеинно заверила заведующая. – Хочешь, сейчас вызову? Сергей Станиславович вам потом почасовку распишет. При расчёте.

– Так, вам, доктора, я смотрю особо делать нечего! – ахнув коньяк залпом резюмировала Антоновна. – А мне работать пора. Без меня эта Юля второй акушерке голову оторвёт.

Вера Антоновна вышла из ординаторской.

– А идёте все вместе! – через несколько секунд тишины вдруг радостно воскликнул Родин. – Изобразим консилиум, а?! Найдём показания к кесареву...

– Сергей Станиславович, я не понимаю, отчего вы её так стремитесь оперативно родоразрешить, эту суррогатную мать? Акушерки предупреждены. Никаких постнатальных контактов с ребёнком не будет.

– А потому, интерн, что эти идиоты, биологические родители... Эти идиоты... – Родин запнулся. – Потому что эти идиоты хотят выкладывания новорождённого Юлии на живот. Говоря по правде, они хотят не только этого... Они... Они желают нанять суррогатную мать в кормилицы! – наконец выдохнул он.

Мальцева решительно встала.

– Идём!

По семейному родзалу второго этажа, представляющего из себя комнату примерно двадцати квадратных метров, некогда созданную объединением двух самых обыкновенных палат, с крейсерской скоростью носилась Юлия под ручку с Игорем Моисеевичем. Периодически она резко стопорилась, как пугливая лошадь перед препятствием, и начинала охать и ахать. Не слишком громко, но очень достоверно. И тогда Игорь Моисеевич начинал кружить вокруг Юлии, тереть ей поясницу так, как будто пытался добыть огонь. В углу, на диванчике цвета среднеполосного заката в разгар лета сидела Светлана Николаевна – с трепетным выражением лица, в позе, демонстрирующей моментальную готовность сорваться.

– Светка, воды! – скомандовала Юлия.

«Светка» сорвалась с места, подбежала к столику, где были выставлены бутылочки с минеральной водой сортов пятнадцати, разнообразные цитрусовые и шоколад – в количестве, достаточном для месячного обеспечения роты на марше, и дрожащими руками налила в стакан воды. Затем выдавила в него сок половины лимона. И поднесла биологической матери эту термоядерную смесь, более уместную для пациентки с дискинезией жёлчных путей, нежели для абсолютно здоровой, нормальной роженицы. Юленька, сделав глоток, поморщилась.

– Фу, гадость! Опять не те лимоны купила! Сколько раз тебе говорила – азербайджанские надо покупать!

Светлана Николаевна беспомощно глянула на мужа, но тот, кинув на жену короткий взгляд, исполненный умоляющего «потерпи!», моментально отвёл глаза.

– Сама пей эту кислятину! Какая ты мать, если не можешь доставить нам необходимого. Мать, ха-ха! Игорёк-то может! Это же ты у нас, – Юленька, смакуя, растягивая, по слогам, произнесла следующее: – реп-ро-дук-тивно не-при-годная!

Светлана Николаевна волевым усилием справилась с собой. Ну, или уже была привычная к подобного рода словесным упражнениям «гестационного курьера».

Татьяна Георгиевна, застывшая было на пороге, с тоской оглядела интерьер, оформленный в полном соответствии со вкусами Маргариты Андреевны («Да что ты понимаешь! Бабы в восторге!») И, что самое ужасное, «бабы» таки были в восторге, и даже родильная кровать в семейном родзале была самого что ни на есть пороссячьего колеру), и скомандовала:

– На кресло!

Мальцева редко позволяла себе такой командный тон в отношении рожениц. А также беременных и родильниц. Но практика показывает, что потакание театральщине и истерике до добра не доводит.

Вера Антоновна, слегка расслабившись лицевой мускулатурой, радостно кинулась исполнять. На накрытое стерильной пелёнкой кресло водрузилась Юля. С помощью Игоря Моисеевича. Хотя этой молодой, здоровой, сильной девице его помощь – как и чья-либо иная – была нужна, как рыбе зонтик.

– Зачем мне туда лазить? Сергей Станиславович меньше часа назад смотрел! Это всё, – злорадно прокричала она в направлении Светланы Николаевны, – вредит твоему ребёнку! Они ему голову натыкают, а ты потом...

– Молчать! – резко оборвала её Мальцева, надевая перчатки.

Даже Родин чуть не принял стойку «смирно!» – и удивлённо оглянулся на интерна. Александр Вячеславович состроил ему выражение лица: «Ага. И не так может!» Юля от неожиданности заткнулась и даже выпустила из захвата руку Игоря Моисеевича.

Выполнив совершенно, признаться честно, ненужное в данной конкретной ситуации акушерское исследование, Татьяна Георгиевна состроила озабоченное лицо, с треском сорвала перчатки и, со всей серьёзностью уставившись на Игоря Моисеевича, сказала:

– Я должна с вами поговорить. Наедине.

– Чего это такого вы ему будете говорить, чего мне говорить нельзя? Со мной что-то не так?

– С ребёнком что-то не так?! – тут же подскочила к Татьяне Георгиевне Светлана Николаевна.

– Оба. Со мной! – скомандовала Мальцева биологическим родителям и вышла из родзала.

Те перепугано потрусили за ней. Родин и Денисов остались в родзале.

Татьяна Георгиевна спустилась по лестнице на первый этаж. За ней в полнейшей тишине следовали Игорь Моисеевич и Светлана Николаевна. По привычке Мальцева потопала к своему кабинету, но, споткнувшись в коридоре о вынесенную панцирную койку, чертыхнулась и пригласила биологических родителей в ординаторскую.

– Присаживайтесь! – строго сказала она.

Игорь Моисеевич сел на диван. Светлана Николаевна присела на стульчик.

– Что, рядом сидеть уже не получается?

Да, это было зло. Но этим людям в данный конкретный момент меньше всего нужны были сопли в сахаре. Немного отрезвляющего сарказма ещё никому не вредило.

– Вы понимаете, что вы разрушаете свою жизнь? Я понятия не имею, насколько сильно вы привязаны друг к другу, но то, что вы совершили и продолжаете совершать...

– Мы очень сильно любим друг друга. Мы всё вынесем, – тихо, неожиданно красивым, сильным голосом проговорила Светлана Николаевна. И замолчала.

Мальцева немного подождала продолжения, но его не последовало. Игорь Моисеевич сидел, уставившись в точку на полу.

– То, что вы подписали контракт с ни разу не рожавшей молодой девицей, то, что вы держали её всю беременность под крышей своего дома – уже не исправить. Но ещё не поздно уйти с родов. И – тем более – отменить эту кошмарную глупость, которую вы собираетесь сотворить.

– Какую? – судорожно вздохнув и запустив пальцы в волосы, спросил Игорь Моисеевич.

– Сергей Станиславович сказал мне, что вы планируете нанять суррогатную мать в кормилицы.

– Да, – подтвердила Светлана Николаевна. – У нашего ребёнка будет всё самое лучшее. В том числе – грудное молоко.

– Дикость. Совершеннейшая дикость.

– Грудное молоко – это иммунитет, это все необходимые микроэлементы и...

– Грудное молоко – это еда! – резко оборвала её Мальцева.

– Мы изучили вопрос и...

– Я не собираюсь с вами дискутировать о преимуществах грудного вскармливания. Не в вашем случае. Вы хотите, чтобы ваш ребёнок, созданный с таким трудом и материальными затратами, был... не вашим?

– Мы изучили вопрос, – повторил за женой Игорь Моисеевич, – в нашей стране не было случаев, когда бы суррогатная мать не отдала ребёнка биологическим родителям.

– Ну да, а приоритетное право суррогатной матери в законодательстве прописано ради красного словца. И то, что вы *прочитали*, что в нашей стране не было подобных случаев, ещё не означает, что подобных случаев *на самом деле* не было. План такой: Родин кесарит вашу Юлию. Вы, – кивнула она на Светлану Николаевну, – укладываетесь в послеродовую палату и получаете своего такого желанного ребёнка. Сразу. Безо всяких последующих контактов новорождённого с суррогатной матерью.

– Есть показания к оперативному родоразрешению? – тревожно вскинулся Игорь Моисеевич.

– Нет. Но бумага всё стерпит.

– Кесарево сечение – это плохо. Мы читали, что кесарские дети...

– Ребята! Я не знаю где и какой чуши вы начитались, полагая себя образованными людьми, могущими разобраться в любом вопросе, но за моей спиной двадцать лет акушерской практики. И я могу вам с полной ответственностью заявить, что ни от метода родоразрешения, ни от методики вскармливания не зависят здоровье, характер, интеллект, а так же судьба и счастье вашего ребёнка! Всё это в куда большей степени зависит от совершенно иных параметров. И сейчас – вот прямо конкретно сейчас! – речь идёт о вашем счастье. О вашем, Светлана Николаевна. И о вашем, Игорь Моисеевич!

– Нет, мы не согласны! – ответила за обоих жена.

– Вы знаете, я еле сдерживаюсь, чтобы не застонать на манер Хоботова: «Но тебе, тебе-то это зачем? Зачем тебе надо, чтобы...»

Мальцева замолчала, достала из кармана халата пачку сигарет, раскрыла окно ординаторской и, прикурив, глубоко затянулась.

– Можно?

Татьяна Георгиевна кивнула. Светлана Николаевна стала рядом с заведующей и закурила. Через некоторую паузу, она заговорила:

– Нам действительно очень тяжело дался этот ребёнок. Мы встретились десять лет назад, и все эти десять лет... У нас есть всё: любовь, счастье, благосостояние. Не хватает только ребёнка. Но и у него должно быть самое лучшее.

– Ребёнок – не вещь. Не итальянская кухня и не соболья шуба. Ваш ребёнок, у которого должно быть самое лучшее, может сам оказаться далеко не самым лучшим. И обмену и возврату он подлежать не будет. И не считите меня циничной, но мне не бросается в глаза, что вы слишком счастливы, Светлана Николаевна. Ни одного тактильного контакта с мужем за те четверть часа, что мы с вами общаемся, – она кивнула на Игоря Моисеевича, всё ещё застывшего на диване. – Да и то, что я наблюдала в родзале...

– Это всё временные, ситуативные трудности.

– Ещё одна сильная женщина, – пробурчала себе под нос Мальцева.

– Что?

– Поймите, ребёнок – не щенок. А человек – не собака. Как только Юле приложат дитя к груди, она чудесным образом трансформируется из злобной суки, каковой она вам сейчас кажется, в чокнутую мамашу. Прикладывание, и тем более грудное вскармливание – запустят материнский инстинкт. Прикосновение, запах тела малыша – и гипоталамус с гипофизом сбе-

сятся, органы-мишени дадут мощный фит-бэк – и... И вы не получите своего ребёнка. Генетически своего ребёнка. Вашего ребёнка...

– Доченьку, – чуть не всхлипнула Светлана Николаевна, но тут же справилась с собой, сделав вид, что поперхнулась дымом.

– Вашего ребёнка будет растить чужая женщина. Чужая вам женщина. Что против этого кесарево сечение и искусственное вскармливание? Лучшими, как я понимаю, смесями, которые можно приобрести за деньги.

Некоторое время женщины смотрели друг на друга.

– Нет. Естественные роды и грудное вскармливание. Я решила.

– Боже мой! Интернет промывает мозги даже не самым глупым людям! – воскликнула Мальцева, щелчком отправив бычок в окно. – Игорь Моисеевич, ну вы-то!.. У кого, в конце концов, в этой семье яйца?! Или... Или вас всё устраивает, и вы уже собрались менять старую жену на новую? На молодую?

– Да что вы себе позволяете?! – вскочил с дивана вышедший из ступора биологический папаша.

– Позволяю себе попытку реанимации вашего мозга! Если для этого нужна шоковая терапия, то...

– Мы давно приняли осознанное информирование решение. Так это у вас называется? Ваши смешные манипуляции не помогут! Наша дочь родится естественным образом и получит грудное молоко. Идём! – резко кинул он жене. – И вообще, бросай курить, это вредно для ребёнка! А если вы позволите себе сделать кесарево сечение без показаний и не выполните всех наших требований, то разбираться будем в суде!

– Я не собираюсь делать вас счастливыми насильно. Это невозможно.

Муж и жена вышли из ординаторской, так и не прикоснувшись друг к другу. Мало того, в дверях он настолько сильно посторонился, пропуская тощую Светлану Николаевну вперёд, что комфортного прохода с лихвой хватило бы даже для Веры Антоновны.

Всю оставшуюся ночь Юля откровенно издевалась над Светланой Николаевной, пользовала Игоря Моисеевича так, как любимых и любящих мужей далеко не все пользуют, и костерила на чём свет стоит ни в чём не повинное дитя, которое производила на свет. Как ни ждал Родин показаний к кесареву сечению – их не возникло. Биологический папаша возился с суррогатной мамой, а биологическая мамаша чуть не с карандашом, блокнотом и секундомером бдительно контролировала действия врачей и среднего медицинского персонала, тут же набирая в айфоне все не слишком понятные ей слова, произносимые медработниками. Эпидуральную анестезию Юлии выполнить не разрешили. «Она не сможет контролировать потуги!» – отрезала Светлана Николаевна. За что суррогатная мать тут же требовала себе дополнительный материальный бонус наличными.

– Не женщина, а какая-то железная леди! – констатировала к утру Мальцева.

– Железобетонная дура она, эта Светка, – поправила её Вера Антоновна, тяжело вздохнув.

В восемь часов утра суррогатная мать, под последнюю серию проклятий, родила здоровую, красивую, голосистую девочку.

Вера Антоновна со словами:

– Поздравляю тебя... вас – с дочкой! – выложила новорождённую Юле на грудь. И тут произошло чудесное преображение. Вместо: «Вылезешь ты или нет, ублюдок проклятый?!» – Юля внезапно зашептала:

– Ах, ты ж моё солнышко, мой зайчик, моя симпапусенька, Сашенька моя, Сашенька, Са-а-ашенька!

По лицу Юлии катились счастливые слёзы, Игорь Моисеевич гладил новорождённую малышку по щеке. Рванувшая было погладить ребёнка по спинке Светлана Николаевна брезгливо отдернула руку. Девочка была ещё не обработана.

– Она Лидочка, а не Сашенька! Лида. Лидия...

– Сашуля, Сашунечка, Сашуленька... – лепетала Юля, хныча и сюсюкая.

Новорождённая девочка тыкалась носом в Юлин сосок. Игорь Моисеевич был совершенно счастлив и не обращал никакого внимания на жену.

– Её зовут Лида, – ещё раз, уже гораздо тише и безразличней сказала Светлана Николаевна и посмотрела на своего мужа. Затем тихо вышла из родильного зала. Он этого даже не заметил.

– Потужься ещё раз, родим плаценту, – скомандовала Вера Антоновна.

Через пятнадцать минут, завершив осмотр родовых путей и обработав матку, акушерка ещё раз на автоматебрякнула:

– Поздравляю, вот теперь ты настоящая мама!

Родин укоризненно посмотрел на Веру Антоновну. Та в ответ состроила ему мину, явно говорящую о том, что эти проблемы – не её, она свою работу сделала.

– Игорь Моисеевич, вы бы за женой сходили, – тихонько шепнул Родин счастливому биологическому папаше.

– Что? А? А где Светлана?!

Он ни на что, кроме Юли и новорождённой дочери, не обращал внимания. Юля не обращала внимания ни на кого, кроме девочки.

– Её же у меня не заберут? – тревожно спросила она у осматривавшего дочь неонатолога.

– Нет, абсолютно здоровая девочка. Остаётся с матерью на совместном пребывании, – достаточно равнодушно констатировал тот.

Родин и Мальцева застали биологическую мать курящей на ступеньках приёмного. Вышли. Увидели. Ни слова не сказали. Родин махнув рукой, зашёл обратно в роддом. Татьяна Георгиевна осталась и тоже закурила.

– Она просто не сможет её себе оставить. Она студентка. И в случае, если... Она должна нам будет вернуть столько денег... Ей за всю жизнь не рассчитаться! Это моя дочь! И она будет жить со мной! Но я... Я... – внезапно у Светланы Николаевны по красивому точёному лицу потекли слёзы. – Я ничего не чувствую. Я знаю, что это моя дочь. Та девочка – моя дочь. Но я ничего не чувствую! Я хотела её потрогать. А она вся в крови, в слизи, в каких-то ошмётках... В Юлиных ошмётках. Какая гадость! Кто я теперь? Кто мы теперь?! Кто мы с Игорем теперь друг другу, и кто нам эта девочка?! Почему он не брезгает гладить её по Юлиной слизи и крови? – Светлана Николаевна судорожно зарыдала и уткнулась Мальцевой в плечо.

– Поплачьте, поплачьте. У нас много синих халатов для выхода, можете совершенно спокойно пускать в его лацканы свои сопли и слёзы. Я не брезгливая. Уж лучше бы вы себе новый порш купили, или в кругосветный круиз отправились, – пробормотала Мальцева, прикуривая следующую от предыдущей. Впрочем, совсем не злобно. Но и не сочувственно. Скорее – просто тоскливо. На кого из нас не накатывает в предрассветные часы экзистенциальная тоска?

В последующие два дня Родин, Мальцева и Панин имели сильную головную боль, связанную с подобным извращённым случаем «партнёрских родов». Пока Игорь Моисеевич просиживал штаны в палате рядом с Юлей и Сашей-Лидой, Светлана Николаевна оббивала порог начмеда, требуя выписать справку о рождении ребёнка на её имя. Поскольку Юлия Андреевна Степанова отказалась отдать ребёнка заказчикам, Семён Петрович Панин не мог дать добро на выписывание подобной справки. За эти пару дней ему пришлось в полном объёме ознако-

миться с законодательством на сей предмет. И изучить действительную статистику из реальных источников, заслуживающих доверия, а не из Интернета. В соответствии с реальной статистикой, примерно один процент так называемых – уже на юридическом языке – «заменяющих матерей» поступают подобным образом. Оставляют ребёнка себе. Также Панин выяснил, что некоторые моменты российского законодательства на предмет суррогатного материнства противоречат Брюссельской декларации Всемирной медицинской ассоциации. Так и не смог бедолага Панин понять, что является предметом договора – оказание услуг по вынашиванию или же сам ребёнок. Впрочем, этого не поняли даже юристы, наговорившие ему много умных слов и ссылавшиеся и на статьи 51 и 52 СК РФ, и на статью 127 СК РФ, и на статью 35 СК РФ и даже на Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» № 143 – ФЗ (пункт 5 статья 16). Не единожды наорав на Родина за доставленную проблему и не раз прошипев на Мальцеву за подписанную госпитализацию, Панин вздохнул с облегчением, распорядившись через пять дней выписать абсолютно здоровую родильницу с абсолютно здоровой новорождённой домой. Ну, или куда там...

Выписывались все вместе. Втроём. То есть – вчетвером. Девочка Лида-Саша была укутана в красивое одеяльце и перевязана шикарной лентой нейтральных, спокойных, выдержанных, бежевых тонов. Игорь Моисеевич выносил пупса, под ручку его держала Юля, Светлана Николаевна командовала детскими сёстрами, фотографами и персональным шофёром. Юля и Игорь Моисеевич с Сашей-Лидой сели на заднее сиденье Порше Кайена. Светлана Николаевна села рядом с водителем. Родин трепетно махал ручкой вслед, и когда машина скрылась из глаз, размахисто перекрестился, поклонился в пояс и, выполнив изящное антраша, скрылся в дверях холла родильного дома, откуда и происходила торжественная выписка.

– Свальный грех! – сурово констатировала санитарка приёмного покоя Зинаида Тимофеевна, наблюдавшая за происходящим со ступенек смежного крыла. – Чтобы там ни было между бабами и мужиками, а которая через свою манду снесла – та и мать! – махнула она рукой и с сочувствующей обречённостью негромко выматерилась себе под нос.

Кабинета у Мальцевой всё ещё не было. Как говорится, ремонтные работы набирали обороты.

– Ну и кто я теперь, без кабинета?! – орала на подругу Татьяна Георгиевна. – Что это за заведующая без кабинета?

– Да я тебе такую красоту и порядок наведу, что ты теперь будешь человек, а не бомж!

Как-то поздним вечером, когда Татьяна Георгиевна снова торчала в ординаторской, туда заявился сам начмед, собственной персоной, в хирургической пижаме, и мрачно буркнул с порога:

– Иди мойся. Кесарево. Касаткина из... Где она там лежала?

– Она «там» лежала в седьмой палате второго этажа, – Мальцева выдержала многозначительную паузу. – И где вы только, Семён Ильич, подобную клиентуру находите?! – ехидно скопировала она Панина, оравшего всю предыдущую неделю на Родина.

– Баба четвёртого ребёнка рождает.

– Ага, четвёртому сожителю.

– Ты мне ни одного не родила.

– Сёма, у тебя трое детей.

– Если бы ты меня любила, ты бы мне родила ребёнка.

– А без детей любви не бывает?

Панин прикрыл за собой дверь ординаторской, вплотную подошёл к столу, за которым сидела Мальцева, и злобно прошипел в неё:

– Чего ты ждёшь? Чего ты выкобениваешься? В полтинник как звезданёт по крыше – захочешь, а всё! Поезд ушёл. Будешь суррогатную мамашу нанимать? Манго её потчевать и в родах за руку держать? Не хочешь за меня замуж – хоть ребёнка роди!

– Зачем?

– Хочу! Я хочу от тебя ребёнка! – Панин вцепился Мальцевой в предплечья. – Пока мы можем. Чтобы что-то связывало нас крепче, чем... Таня, столько лет. И кто мы теперь? Кто мы теперь друг другу?!

– Семён Ильич, так дети не получатся. Только гематомы. Мы друг другу – заведующая отделением наблюдения и начмед родильного дома, – совершенно бесстрастно произнесла Мальцева, став похожей на тряпичную куклу.

Панин отпустил её.

– Через пятнадцать минут в операционной.

Чтобы справиться с собой, пришлось спуститься в подвал, в заветный курительный уголок. Там совершенно не к месту и не ко времени торчал интерн Денисов, в самом неподходящем настроении – распрекрасном. Сама виновата, не надо было его сюда на перекуры таскать. И спать с ним не надо было. И кокетничать. И позволять нарушать субординацию.

– Сейчас будет операция. Можете пойти третьим...

– Я хотел бы быть единственным, Татьяна Георгиевна.

Мальцева с размаху влепила Александру Вячеславовичу весьма чувствительную пощёчину.

– За что?! – схватился он за щёку не столько от боли, сколько от неожиданности.

– За общий мужской грех.

– Это за какой же из?

– За неуместность.

Кадр двадцать восьмой

Неуместность

Хлопанье биксов, стук металла о металл, беготня санитарок и запахи дезрастворов, как всегда, оказали психотерапевтическое действие. Мальцева успокоилась. И чего заводилась, спрашивается? Сёма – он всегда не в кассу. Такая у него планида. Не вина его, а беда – в соответствии с классикой жанра народной мудрости. Народная мудрость – она же потому и народная, что является результатом тысячекратно переваренной совокупной глупости.

Интерн с сестрой накрывали операционное поле, когда зашла Мальцева. Анестезиолог уже «вырубил» женщину. Таково было распоряжение Панина. И распоряжение это было совершенно оправданно.

Санитарка подала Татьяне Георгиевне халат, сестра – подставила перчатки. Тут, в операционной, заведующая чувствовала себя хорошо. Комфортно. Спокойно. В своей крепости.

«С ума сойти! До чего надо докатиться, чтобы полный покой чувствовать только в операционной, когда на столе лежит полная...»

– Блатняк? – перебил Святогорский мысли Мальцевой.

– Начавшиеся срочные роды, поперечное положение гипотрофичного плода, роды четвёртые. И муж у неё, милый друг Аркадий Петрович, тоже, к слову четвёртый.

– У неё?! – Аркадий Петрович Святогорский, заведующий отделением реанимации и интенсивной терапии потешно скосил удивлённые глаза на отключённую от реальности женщину. – Ну и ну! На кого только наш брат не ловится.

– Обращаться!

Операционная сестра подала Татьяне Георгиевне корнцанг с турундой, обильно смоченной хлоргексидином.

– Да ладно тебе, Аркаша. Она вполне привлекательная женщина. Мало кто хорош собой на операционном столе.

– Привлекательная?

Анестезиолог приподнял простынку, отделяющую его епархию от хирургических владений, и демонстративно устался на грудь.

– Не-е, сиськи подкачали.

– Трое детей, Аркадий Петрович. Этот, – Мальцева кивнула на не слишком возвышавшийся живот, – четвёртый. Дети от разных мужей.

– Господи, зачем же столько?

– Говорит, цитирую: «Для скрепления отношений в семье нужен ребёнок!»

– Сильно предыдущими-то скрепила! – загоготал Святогорский.

– Ну и где Панин?! – чуть раздражённо в пространство операционной спросила Татьяна Георгиевна.

– Здесь я!

Панин стремительно вошёл, моментально влетел в халат, совершенно молниеносно вделся в перчатки, занял место хирурга и зыркнул из-под маски на Александра Вячеславовича, стоявшего по другую сторону операционного стола рядом с Татьяной Георгиевной.

- Можно работать, – коротко и по-деловому сказал анестезиолог.
- Скальпель!

Операционная медсестра подала начмеду скальпель. Семён Ильич быстрыми движениями, в которых не было ни малейшей спешки, а лишь талант, который годы опыта превратили в мастерство, послойно вскрыл переднюю брюшную стенку. Операционная сестра подавала инструменты без лишних команд. Татьяна Георгиевна промокала рану салфеткой. Интерн благоразумно положил руки поверх операционного белья и не вмешивался в этот до автоматизма доведённый процесс, каковым он бывает в давно сложившихся операционных бригадах. Никто не говорил лишнего, не балагурил. Святое правило акушерской операционной: до извлечения плода тишина, прерываемая только по делу. Это в кино хирург и ассистент могут смотреть друг другу в глаза, переговариваться и... Нет, конечно, переговариваться они могут. Но смотрят они в рану и только в рану. Бросить выразительный взгляд – сколько угодно, но играть в гляделки... Ну да на то оно и кино. Да и операционные бывают разные. Но в операционной родильного блока до извлечения плода – тишина! Без надобности не нарушаемая.

В операционную тихонько втёк Владимир Сергеевич Ельский, заведующий отделением неонатологии и детской реанимации. По своему обыкновению, хмурый. Но плескавшиеся в его прищуренных глазах байроновская обречённость вкупе с вольтеровским сарказмом, говорили о том, что он в прекрасном настроении.

Панин извлёк плод, Мальцева наложила зажимы на пуповину, интерн перерезал. Гипотрофичный плодик вяло замяукал.

- Мальчик. Два кило, рефлексы понижены, – сказал Панин.

Ельский ловко подхватил похожего на лягушонка-переростка мальчика с выраженными признаками незрелости и удалился с ним за свой столик.

- На углы!

Операционная медсестра подала Семёну Ильичу иглодержатель с заправленной нитью.

– Матку ушью – и продолжите со своим интерном, – не глядя на Татьяну Георгиевну, сказал Панин.

– Он не мой, – ответила Мальцева, беря края разреза на матке на зажимы и, разумеется, не поднимая глаз на Семёна Ильича.

На столике у неонатолога мяуканье стало громче, преобладали обиженные визгливые нотки.

– Пониженные – не повышенные! Кило девятьсот, подвёл тебя глазомер, Семён Ильич – доложил Владимир Сергеевич.

Обычно Панин называл вес плода с точностью плюс-минус пятьдесят граммов. Ничего необыкновенного в этом не было. Это любой грамотный акушер может.

– Так я не понял, Сёма! Это что за такой страшный блатняк, что ближе к ночи начмед оперирует, заведующая ассистирует. Да и мы с Ельским как-то разом неуместно дежури́м. Прямо элитная светская вечеринка, а не рядовая смена!

Мальцева была благодарна Святогорскому, сменившему тему. Благо с ребёнком всё в порядке. Да и в ране – тоже. И зачем она ляпнула: «Он не мой!»?

– Да, такой страшный блатняк, что блатнее не бывает. По «Скорой» поступила пару дней назад. С фингалом под глазом. Необследованная.

– Если верить записям в истории родов, её должны были прооперировать планово, до наступления родовой деятельности. Проворонили?! – в тоне Ельского звучали перманентная подозрительность неонатолога к акушерам-гинекологам вместе со всегдашней лёгкой ноткой оттенка «я так и знал!».

– Не заноси руку для удара, Володя. У нас и так вся спина ножами потыкана, – парировала Мальцева. – У дамы муж работает вахтами. Она вчера вечером к нему домой на свиданку рванула несанкционированно. Любовь...

– Это тот муж, который поставил фингал под глазом?

– Он.

– И после того, как вы прокапали ей токолитики, она с ним любовью занималась?

– Я думала, ты спросишь: «И после того, как он поставил ей фингал под глазом, она с ним любовью занималась?»

– Таня, я взрослый мальчик. Для большей части женского населения этой страны фингал – стигма неземной любви. Из-за чего такая гипотрофия?

– Мадам курила, как паровоз. По две пачки в день. А в тумбочке у неё стояла бутылка водки – она на ночь принимала по стопарю. Чтобы расслабиться. Это ещё помимо отягощенного акушерско-гинекологического анамнеза, – ответила неонатологу Мальцева.

– Она что, врач? – сумеречно проскрипел Ельский, что в его исполнении означало залистый хохот.

– Переводчик с французского.

Владимир Сергеевич присвистнул.

– Не свисти! Денег не будет! – строго осадил Святогорский.

– Новорождённого забираю в реанимацию.

– Показания? – спросила Мальцева.

– Статью с французского надо перевести.

– Всё, я закончил! Становитесь, Татьяна Георгиевна!

Панин с треском стянул перчатки, швырнул в таз и вышел из операционной. Вслед за ним ушёл и Ельский, унеся с собой младенца. Обычно он посылал за новорождёнными детских медсестёр – конечно же, в тех случаях, когда не было необходимости в неотложных реанимационных мероприятиях. В данном конкретном случае такой необходимости не было. Тот факт, что Владимир Сергеевич самолично обработал, запеленал и транспортировал новоявленного мальчонку, безапелляционно свидетельствовал: сегодня дежурной детской медсестрой была его молодая жёнушка под очередным порядковым номером. И она, вероятно, уже погрузилась в глубокий сон в кабинете мужа. И значит, сегодня Ельский всю ночь пробдит у боксов и даже гигиеной младенцев будет заниматься самостоятельно. Какая честь – без пяти минут доктор наук попу моет и памперсы меняет. Впрочем, у людей память коротка, а у едва появившихся на свет людей её и вовсе нет. Какие уж тут перинатальные матрицы, если выросшее дитя госпожи

Касаткиной даже под ЛСД не вспомнит, что высокомерный себялюб и надменный гордец Владимир Сергеевич Ельский ему задницу надраивал.

Некоторое время работали в полной тишине.

– Александр Вячеславович, становитесь на моё место, шейте мышцы, – скомандовала Мальцева, ушив брюшину.

– Я и на своём могу.

– Вы что, амбидекстр?

– Что-то вроде того. Я – левша, владеющий правой рукой. Вы разве не заметили, Татьяна Георгиевна?

– Я! Я заметил! – поспешно выступил Аркадий Петрович, не давая возможности своей старой подруге брякнуть очередную глупость. Чем не в первый раз сохранил её достоинство. В операционной бригаде есть медсёстры, анестезистки и санитарки. А они ещё языкатее, чем врачи. – Я заметил, что вы одинаково владеете и правой, и левой. Вас что, родители переучивали?

– Нет. Я сам. В порядке эксперимента. Когда я понял, что подавляющее большинство окружающих правши, я решил, что подобное умение и мне не помешает.

– Чтобы не выделяться? – поинтересовался анестезиолог.

– Чтобы в случае необходимости – умело замаскироваться, – рассмеялся интерн.

– Мышцы можно так не вышивать. Они или срастаются. Или нет.

Мальцева сама себя тут же отругала за придирку. Будь напротив неё другой интерн – он наверняка бы получил замечание по поводу «сикось-накось». Она сама была воспитана школой поклонения максимальной анатомичности восстановления. Зачем она до него докапывается? Решила – вон, значит – вон! А для того, чтобы из сердца вон, необходимо что? С глаз долой. Надо пойти к профессору Денисенко и попросить перевести интерна в другое отделение. А ещё лучше – на другую клиническую базу. К профессору очень не хотелось идти по целому ряду причин, но Александра Вячеславовича надо удалить из поля зрения. Слишком раздражающий фактор. Не хочется портить жизнь ни себе, ни ему. Надо пойти. Как-то... Как-нибудь. На той неделе.

– На апоневроз!

– Слушай, что, правда четыре мужа у этой... переводчицы с французского? – ещё раз внимательно посмотрел Святогорский на лик дамы, переведенной на самостоятельное дыхание.

– Аркаша, она прыгает!

– Добавь в вену, – скомандовал Аркадий Петрович анестезистке.

– Правда. Только она ни одного из детей на мужей не записывала.

– Почему? – удивился Святогорский.

Татьяна Георгиевна вопросительно посмотрела на интерна.

– Говорит, детей на мужей записывать невыгодно. Алиментов от них не дождёшься, а так государство хоть какие-то деньги платит – как матери-одиночке, – ответил анестезиологу Александр Вячеславович.

– Вы откуда знаете такие подробности? «Доктора Хауса» насмотрелись? – удивился Аркадий Петрович.

– Нет, просто уважаю анамнестические детали.

– Он не нарочно! Наши бабы Денисова очень любят! Часами его в палате держат! – не удержалась от саркастической ремарки ассистирующая интерну заведующая.

– Донати? – уточнила спрятавшая улыбку операционная медсестра.

– Косметику можно. Она тощая.

– Александр Вячеславович, косметику накладывают не тощим или толстым, а тем пациентам, кого слово «косметика» гипнотизирует. Кстати, по Донати заживление физиологичней. Вы же понимаете, что косметика – это лишний шовный материал в ране. А если регенерация на уровне – следы от Донати совершенно не заметны. Или вам лень швы снимать?!

После наложения асептической клеевой повязки и обработки влагалища Мальцева сказала традиционное:

– Кровопотеря пятьсот, моча по катетеру светлая, двести миллилитров, всем спасибо. Александр Вячеславович, историю запишете и мне на подпись.

Святогорский приводил в себя госпожу Касаткину.

– Лёша приехал? – прохрипела она перво-наперво.

– Поздравляю, у вас мальчик! – радостно возвестил анестезиолог. – Маленький мальчик. И говоря «маленький» – в данном случае – я имел в виду не возраст. Кило девятьсот, сорок семь сантиметров.

– Лёша, говорю, приехал?! – никак не прореагировала мамаша.

– Ху из у нас Лёша?

– Лёша у нас муж, – ответил за родильницу интерн.

Касаткину пришлось снова вырубить, потому как она стала кашлять, крыть всех оставшихся в операционной матом и требовать немедленно впустить к ней мужа. Который, сказать по правде, попросту не прибыл. Хотя, судя по её текстам, крепко-накрепко обещал.

В час ночи Мальцева, Святогорский и Денисов сидели в ординаторской обсервационного отделения и пили кофе.

– И долго ты бомжевать будешь? – спросил Аркадий Петрович.

– Марго обещала закончить через неделю. Она меня в кабинет не пускает, со мной не советуется, потому я подозреваю самое худшее.

– Натяжной малиновый потолок, фиолетовая мягкая мебель в лиловую рюшечку, бордовые занавеси и вопиюще сиреневое ковровое покрытие! – заржал Святогорский.

– Наверняка, – тяжело вздохнула Мальцева. – И как из этого всего выпутаться – я не имею ни малейшего представления. Как Касаткина?

– Стабильна. В ОРИТ её отправлять показаний нет, так что... Так что господин интерн пусть с ней всю ночь сидит, за ручку держит, пока мы её Лёшу разыскиваем.

– Вы допили кофе, Александр Вячеславович? – официально спросила Татьяна Георгиевна.

Интерн встал, вымыл свою чашку, поставил в шкафчик, с лёгкой улыбкой кивнул Татьяне Георгиевне и Аркадию Петровичу и вышел из ординаторской.

– Зачем ты так с парнем? – несколько укоризненно поинтересовался Святогорский, едва за Денисовым закрылась дверь.

– Он тут не парень. А врач-интерн.

– Ясно. Вся в букву ушла?

– Если дух не будет хотя бы изредка цепляться за букву – он унесётся неизвестно куда.

И это может закончиться очень плохо.

– Для кого? Для тебя? Не смей меня.

– Для него!

– У тебя что, Татьяна Георгиевна, материнский инстинкт проклюнулся? Не надо, не порть себя, не превращайся в женщину-мать.

– Фу, Аркаша! Ну, уж ты-то мне возрастом не тыкай! Ты куда постарше меня будешь!

– Вот дура! Причём здесь возраст? Женщина-мать – это не возраст, а диагноз. Женщина-мать – особа, беспрестанно заботящаяся о своём мужике и доводящая его таковой заботой до абсолютно инфантильного состояния. У иных особей мужского пола имеется, конечно же, иммунитет! – он гордо выпятил грудь с торчащими из-под пижамы седыми волосами. – Но у очень редких. – Святогорский вздохнул и ссутулился обратно. – Когда Лёле было три годика, моя мне писала длиннющие инструкции. Чем Лёлю на завтрак накормить – и как это разогреть, во что Лёлю одеть, какими маршрутами Лёлю в детский садик вести, что сказать воспитательнице. И так далее. Как будто мужик в здравом уме и трезвой памяти не может... – Аркадий Петрович махнул рукой. – Лёля уже давно Лёлище. Так мамаша продолжает нести доблестную вахту. Запиливает и дочь, и зятя, и пятилетнего внука. Разве что со свечкой к ним в спальню не врывается. Живут, слава богу, отдельно. Не то и там бы, в опочивальне, советы давала. Всем обрыдла. Скоро своего добьётся – дочь с ней общаться перестанет. Да и сейчас не из любви, а из чувств благодарности и вины, кои моя исполняющая обязанности всевышнего⁵ культивирует с болезненным сладострастием.

– Сублимирует, – расхохоталась Мальцева.

– Танька, я не потому импотент, что моя супруга бревно, а потому, что возраст подошёл. Каждому делу – своё время. А по молодости я, было дело, прыгал налево. И направо прыгал. И наискосок. По разным, в общем, траекториям. Потому что невозможно заниматься этим делом с женщиной, которая в предкульминационный момент говорит: «Молоко забыла в холодильник поставить!» или «Аркаша, ты газ на трубе закрутил?» Ты, Мальцева, прекрасна именно своей безголовой женственностью. И не старайся заботиться хоть о ком-нибудь. Тем более – об интерне. Он взрослый мальчик.

– Забавно.

– Что?

– Ельский и Родин меняют жён. Но, подозреваю, они им – до смены обстоятельств – верны. Вы с Паниным – всю жизнь живёте в благопристойном благополучном браке, но жёнам изменяете.

– Ельский просто очень влюбчивый.

– Да ну!

– Говорю тебе! Под его нарочитой презрительностью таится нежный оленёнок...

– Если Ельский – оленёнок, то я...

– Ты тоже оленёнок. Ты, кстати, мало чем от него отличаешься. Та же надменность, та же холодная насмешливость. Ну и так далее. С поправкой на пол, разумеется. А Родин – он человек крайне увлекающийся. Отсюда и...

– И чем же отличается мужчина очень влюбчивый от своего собрата крайне увлекающегося?

– Вот, вы опять усмехаетесь, Татьяна Георгиевна. Хотя со мной, своим старым – во всех смыслах – другом, в этом нет никакой необходимости. А если бы ты серьёзно относилась к своему старому дяде Аркадию, он бы тебе объяснил, что разница есть. Колоссальная разница!

⁵ О жене Святогорского написано в книгах «Роддом. Сериал. Кадры 1-13» и «Роддом. Сериал. Кадры 14—26».

Мальцева встала из-за стола, подошла к дивану, на котором сидел Святогорский, и нежно поцеловала его в щёку.

– Я очень серьёзно отношусь к своему старому дяде Аркадию, – сказал она, забирая у него чашку. – Ещё кофе?

– О, нет. Достаточно просто плеснуть коньяка в последки... Да, спасибо, дорогая, – он принял чашку обратно. – Можно было не так щедро, ну да ладно... Ельский никогда и ничего не рассказывает о бывших жёнах. Почему?

– Он вообще не слишком общителен, – Татьяна Георгиевна пожала плечами.

– Нет! Потому что для Ельского бывшие жёны – отработанный материал. Изжившая себя страсть. Мусор, подлежащий утилизации. Родин, напротив, – постоянно тараторит о бывших. Любовь прошла, а увлечённость – нет. Родин увлечён своей жизнью. Ельскому просто нравится состояние влюблённости.

– Всё это, Аркаша, не более чем досужая ночная болтовня.

– И не говори! Как будто нам заняться больше нечем! – рассмеялся анестезиолог. – Родин мне нравится.

– Мне тоже.

Святогорский подозрительно прищурился в Мальцеву.

– Ой, перестань! – отмахнулась она. – У нас гендерное равенство, между прочим! Я не шуюсь в тебя, вот и ты меня избавь от подозрений.

– Гендерное, но не сексуальное!

– Сергей Станиславович не входит в круг моей избирательности. Я не могу себе представить, как можно заниматься любовью с рыжим толстячком.

– Любовью можно заниматься даже с тубиком крема для загара, что недавно подтвердила очередная пациентка, обратившаяся в приёмный покой с жалобами на невозможность самостоятельно извлечь инородный предмет из влагалища. Кстати, – он понизил голос до доверительного шёпота, хотя в ординаторской никого, кроме них, не было, – на Родина уже открыла охоту Засоскина.

– Будет официальным «моим мудаком» номер четыре? Или уже пять, я запомнила?

– Очень даже может быть, что и будет. Уж слишком он сопротивляется, а это нашу Оксану лишь дополнительно заводит. Как и любую женщину, которой мужчина недоступен по тем или иным причинам! – Святогорский многозначительно посмотрел на Татьяну Георгиевну.

– Мне доступен и Панин. И интерн. Не надо этих неуместных намёков.

– Ладно. Уж и пошутить нельзя. Но Родин умён. И вовсе не так прост, как может показаться. Оксана Анатольевна нынче пребывает в стадии внимательного выслушивания всех перипетий семейных жизней Сергея Станиславовича, и знаешь, что он ей сказал на предмет своей последней экс-жены?

– Понятия не имею.

– Он сказал: «Моя третья супруга относится к той категории женщин, которые каждый год покупают себе новый велотренажёр».

Татьяна Георгиевна расхохоталась.

– Она прониклась?

– Полагаю, да. Хотя в условиях обозначенной цели весьма неглупой Оксане Анатольевне иногда отказывает соображение. Впрочем, мало кто даже из самых умных женщин способен

раскусить ядовитость, особенно когда она запущена точно в цель. Возможно, именно поэтому женщины такие живучие.

В ординаторской зазвонил внутренний телефон.

– Да? – моментально подняла трубку Татьяна Георгиевна. – Тьфу ты, господи! Напугал! Что, сейчас зайти? Ладно, иду.

– Панин? – скорее утвердительно, нежели вопросительно произнёс Святогорский, поднимаясь с дивана. – Ноги домой не несут?

– А вот Панин какой? Очень влюбчивый или крайне увлекающийся?

– Панин – однолюб, Татьяна Георгиевна, – серьёзно ответил Аркадий Петрович.

– Смешно.

В кабинете начмеда был разложен и застелен диван. Сам Семён Ильич был одет в цивильное. В джинсы и свитер. Что сразу делало его домашним и уютным. Он был очень хорош собой, не отнять. И даже став дедушкой, он не перестал быть хорош собой.

– Мы что, начнём заниматься этим прямо у тебя в кабинете? – удивлённо вытаращилась Мальцева на свежие простыни и откинутый пододеяльник в мелкий голубой цветочек. – Откуда такая пошленькая расцветка? Ты решил создать иллюзию семейной жизни, которую призвано символизировать это ложе?

– Дура! Я еду домой. А ты ложись и спи. Не то будешь со своим интерном до утра свистеть.

– Можно было так не стараться. Я одна всё ещё отлично помещаюсь на неразложенном диване. Или тебя моторика подвела? Под официальную супругу стелил?

– Дура, – уже куда более ласково сказал Панин.

Он надел куртку, подошёл к Мальцевой и поцеловал её в щёку.

– Твой сарказм неуместен. Я уйду – перекури в окошко и ложись спать.

– Ты не спрашиваешь, как кесарская?

– Я к ней заходил. Она стабильная. При ней интерн. Через неделю мы отправляемся в Питер на конференцию по вопросам урогенитальных инфекций.

– С интерном? – глупо переспросила Мальцева.

– С тобой.

– Ладно, – согласно кивнула Татьяна Георгиевна.

Панин протянул ей ключи от кабинета и, не оборачиваясь, быстро пошёл к выходу. Едва он закрыл за собой дверь, она как-то внезапно обмякла, обессилела и с какой-то даже неожиданной и неуместной радостью подумала, что это очень здорово – побыть пару дней вдвоём с Сёмой. Пусть даже и на конференции. Наверное, она просто очень устала. Не было сил на язвительные мысли, не было сил на... Ни на что не было сил. Она легла на диван и моментально уснула. Необходимости ставить будильник – никакой. Как только санитарка начнёт убирать коридор обсервации – Татьяна Георгиевна откроет глаза и моментально вернётся в ясное состояние сознания, что твой Штирлиц. Хотя кабинет начмеда от её владений отделяет звуконепроницаемая дубовая дверь, коридор холла, дверь в коридор, расходящийся в направлениях акушерской и детской обсервации, и дверь в собственно отделение. Так собака, запертая в квартире на шестнадцатом этаже, чует подъехавшего на стоянку хозяина – недоступным, непонятым, неуместным для нормальных людей шестсот шестьдесят шестым чувством.

В послеродовой палате прооперированная Касаткина крепко держала за руку Александра Вячеславовича и глядела на него влюблёнными глазами.

– Правда я выгляжу гора-а-а-здо моложе своих тридцати пяти? – ворковала она сквозь забомблённое медикаментами сознание. – Моей старшей дочери – пятнадцать лет, вы бы могли поверить?! – совершенно неуместно хрипло хихикала пациентка. – Вы бы дали мне тридцать пять лет? Вы бы ни за что не дали мне тридцать пять лет!

Похоже, что ответной реакции ей не требовалось вовсе. Эндорфиновому откату возбуждённого гипоталамуса было достаточно присутствия красивого молодого врача. Любая из женщин после родов способна к полному уходу в отрыв от объективно существующей реальности. Кто-то в меньшей степени, иные – в большей. Но колоссальный всплеск гормональной продукции на женской «фабрике», достаточно быстрое перепрофилирование всех органов и систем в совершенно иной режим функционирования создают плотное, удушливое, нейрогуморальное облако вокруг любой самки, простите за совершенно бесхитростную и потому не оскорбительную констатацию факта. Подавляющее большинство моментально становятся стебанутыми матерями – и готовы изводить любого подвернувшегося под руку утомительными деталями и чуть ли не поминутным таймингом процесса родов (именно подобные экземпляры затем с неослабевающим упоением описывают первые «покаки», качество и количество срыгиваний, слюней, соплей и прочих особенностей бессонных ночей и прикладывания к «сисе», и увлекаются своими «самыми необыкновенными» детьми настолько, что перестают самоидентифицироваться – и вместо полновесного, солидного, надёжного «я», вводят в устойчивое употребление глупое, нелепое, размытое «мы»). Некоторых послеродовое состояние приводит в настороженную готовность к влюблённости – и они замирают в этом своём предчувствии на некоторое время, как сеттер, почуявший перепела. И стоит только подвернуться подходящему объекту, как хвост... то есть «все фибры души» – начинают дрожать, и непрерывные ментальные и духовные мультиоргазмы способны довести подобную дамочку до лёгкого идиотизма. По счастью – временного. Впрочем, оргазмы иногда встречаются и самые что ни на есть физиологические. Например, во сне. Что иногда крайне пугает первородок, хотя из последствий разрешения от бремени эта опция далеко не самая пугающая. Это как раз нормально.

Родильница Касаткина, судя по всему, относилась к категории гормонально готовых к эйфоричной влюблённости. Муж так и не появился – и миновав стадию гнева с помощью седации, она по полной отрывалась на Александре Вячеславовиче.

– Первый раз я вышла замуж по большой любви! По огромной! Ах, вот это была страсть! Вы себе не представляете, что это была за страсть! Мы не были расписаны, но мы были мужем и женой! Сейчас он сидит за убийство. Он много пил, мы постоянно ругались, родилась дочь, денег не было, я что-то зарабатывала переводами, он меня бил, деньги отбирал, четырёхлетняя наша Алисочка аж синяя была – такая тощенькая, мы поругались, он ушёл в ночь. И теперь сидит за убийство! – с какой-то нечеловеческой радостью рассказывала Касаткина, терзая большую, красивую, сухую ладонь интерна Денисова своей взмокшей птичьей лапкой.

Александр Вячеславович приподнял брови и с интересом посмотрел на родильницу. Затем глянул на монитор. Давление и пульс были немного выше нормы. Ничего удивительного. Аккуратно высвободившись, он подошёл к столику с медикаментами, достал шприц, вскрыл ампулу, набрал содержимое – и медленно ввёл в жилу внутривенной системы.

– Вам надо успокоиться, – ласково сказал он.

– Ах, доктор! Сядьте, возьмите меня за руку! Мне так хорошо с вами! – щебетала утихающая Касаткина.

За ночь интерн Денисов всё узнал и о сожителях номер два, три и четыре. Второй, по словам Касаткиной, был приличным человеком. Они родили с ним девочку, и он ушёл из-за её, Касаткиной, загулов. В смысле, после вторых родов она внезапно осознала, что очень привлекательная женщина. Номер три был полным подонком. Но от него родился потрясающий мальчик. Ему сейчас шесть. И в отличие от пятнадцатилетней шалавы, которую бдительная мама Касаткина недавно за руку отвела на аборт, и тринадцатилетней бесцветной бессловесной дуры – младшей дочери, которая ничего из себя не представляет вообще, – парень серьёзный и вдумчивый. Касаткина учит с умным сыном английский и французский и называет его исключительно «Анатолий». И вот четвёртый. Муж. Хороший. Добрый. Немного бьёт её, но это не так важно, потому что он катает Анатолия на санках, играет с ним в шахматы и недавно выпорол пятнадцатилетнюю дочурку. Ну, ту, что от убийцы.

Хочешь узнать женщину – проводи с ней ночь после родов. Хочешь узнать женщин – становись врачом акушером-гинекологом. Психологическое образование получишь непосредственно в траншеях на передовой.

Утром в палату зашёл Ельский и мрачным тоном пробубнил, что с мальчиком Касаткиным всё в порядке, соответствует суткам послеродового периода и, если мать себя хорошо чувствует, может находиться на совместном пребы...

– Вы же ещё ко мне придёте, доктор?! – пронзительно захрипела мамаша вслед уходящему из палаты Александру Вячеславовичу.

Ельский только махнул рукой и, не закончив фразы и не удивившись, никак не прокомментировав отсутствие интереса к новорождённому, тоже удалился.

– Ах! – мечтательно закатила глаза родильница. – Сколько мужчин! Красивых мужчин!.. Но где же этот штопанный гандон?! – злобно просипела она после.

Нашупав мобильный телефон, Касаткина потыкала кнопки, приложила его к уху и, помолчав несколько секунд, запела:

– Алёшенька, любимый, ну где же ты? У нас чудесный мальчик! Здоровый чудесный мальчик! Только немножечко худой. Ты же приедешь?.. Да-да, я понимаю, ты устал после смены и... – она кокетливо захихикала. – После наших предродовых упражнений. Они же меня, сволочи, прокесарили, как только я вернулась!.. Да, управы на них нет!.. Ну, прости, прости, что разбудила. Ты как выпишься и поешь, сразу приезжай. ... Да нет, мне ничего не надо. Разве только сигареты. Они у меня отобрали и сигареты, и водку! Ты же знаешь, я не могу заснуть без маленькой рюмочки. Всю ночь не спала, чем меня только не шпиговали! Ну всё, люблю, люблю...

Нажав отбой, Касаткина моментально уснула, трепетно стиснув в руке телефон. Было ровно пять часов утра. В кабинете начмеда раскрыла глаза Мальцева. В двери приёмного покоя стремительно вошла Марго.

– Мальцева в роддоме?

– Доброе утро, Маргарита Андреевна, – не отрываясь от швабры, Зинаида Тимофеевна поприветствовала старшую акушерку обсервации. – В роддоме, где ж ей быть! Так тут и соста-

рится, дура, – беззлобно сказала санитарка. – Дрыхнет у Панина в кабинете. – Она кинула взгляд на круглые часы, висящие на стене. – Проснулась уже, наверное.

– А Панин?

– А Панин дома дрыхнет, Маргарита Андреевна.

– Чего так?

– А устали они друг от друга, Рита, устали.

– Тоже мне, знаток человеческих отношений! – хмыкнула Маргарита Андреевна. – Почему акушерка не на посту?! Ко мне сейчас клиентура поступит! Давай, буди!

– Да не спит она! В лабораторию пошла, за анализами.

Но Маргариты Андреевны уже и след простыл. Старшая акушерка обсервации могла перемещаться со скоростью гоночного болида. Среди врачей даже ходили слухи о её способности к нуль-транспортировке.

– Знаток – не знаток, – проговорила санитарка, опершись на швабру, – а когда баба и мужик друг от друга устают – знаю. И когда, отдохнув, снова начинают друг друга поедом есть – тоже!

И Зинаида Тимофеевна погрозила кулаком куда-то вбок, совершенно непонятно, кому и за что. Затем, воровато оглядевшись, перекрестилась на часы.

– Надо из дому иконку принести. Везде понаразвесили, а на входе... Как они только живут? Дёргаются, ёрзают туда-сюда, размножаются, суетятся. А бога нет ни в ком. Неуютно в них богу. Холодно. Темно. Стыдно.

Санитарка посмотрела в окно на предрассветную мартовскую тьму, издала что-то среднее между презрительным «а!» и мрачным протяжным «о-о-о...», оставила доморощенную философию и вернулась к надраиванию полов. Потому что в пять утра в приёмном покое родильного дома надраивание полов – самое что ни на есть уместное занятие. Тут бы даже бог не возразил. Если бы ему было до этого дело, конечно же.

Кадр двадцать девятый «Я же его люблю!»

В приёмном, примостившись на краешке стула, сидела худая, утомлённая женщина лет сорока. Может, тридцати восьми. Хорошо потрёпанных тридцати восьми-сорока лет. Рядом с ней, охая, перетаптывалась юная тощая девица с выдающимся животиком. Обе выглядели испуганно.

– Паспорт и обменную карту! – размяла связки дежурная акушерка.

– Мы к Маргарите Андреевне, – извиняющимся тоном тихо пробормотала женщина.

– Но паспорт и обменная карта всё равно нужны, – смилостивилась та, став елейней. Не от сострадания, разумеется. А заслышав имя-отчество великой и ужасной всемогущей старшей акушерки наблюдационного отделения Маргариты Андреевны Шрамко. А где Шрамко – там и Мальцева. Ну их! Если это их клиент, то и разговаривать можно помягче, колпак не свалится.

– Паспорт есть, а обменной карты нет, – вскочила худая женщина.

– Нехорошо! Почему не обследовались?

– Мы, это... – дама дрожащими руками достала из сумочки паспорт и протянула его акушерке приёмного. – Сначала я не знала, а потом, когда она уже сказала... Ну и к тому же беременность – не болезнь! Чего лишний раз врачей тревожить?

– Да не ваш паспорт! – изучив не только фамилию-имя-отчество, но и странички с прописками и семейным положением, акушерка вернула документ. – Не вы же рождаете!

– Ой, ну да. Я думала... Она же моя дочь.

– Взрослая уже девочка. Вон, рожать пришла.

Женщина извлекла из сумочки ещё один паспорт, по дороге уронив на пол дешёвую пудреницу. Та расколотилась вдребезги.

– Аккуратней нельзя?!

– Извините, – покраснела женщина и, неловко присев на корточки, стала собирать осколки.

– Оставь, милая! – всплыла в предбанник приёмного покоя Зинаида Тимофеевна. – Я сама. А ты чего тут из себя директора Советского Союза строишь?! – рывкнула она на акушерку.

– Ой, девочки, больно! – махом записав в «девочки» и молоденькую акушерку, и собственную мать, и пожилую санитарку, запрыгала на одной ножке юная роженица, придерживая обеими руками живот.

Из наблюдационной смотровой приёмного покоя в предбанник вошли Маргарита Андреевна и Татьяна Георгиевна.

– Вот, Татьяна Георгиевна, Катенька и Катенькина мама! – нежно заворковала Маргарита Андреевна.

– Татьяна Георгиевна, садитесь! – акушерка вскочила со своего стула.

– Спасибо, сидите. Обменная карта? – обратилась она к дамам.

– У нас нет, – проблеяла Катина мама, пока Катерина охала и прыгала по предбаннику приёмного покоя.

Акушерка мухой состроила лицо фасона «я же говорила!» и укоризненно адресовала его Катиной маме.

– Ладно. По крайней мере, есть показания к обсервации. Наберите кровь на РВ, ВИЧ и австралийский антиген. И... – она пристально посмотрела на Катю, всё ещё прыгающую на одной ножке, – в короткой курточке и обтягивающей короткой же юбчонке, совсем не соответствующих ни погоде, ни Катиному состоянию. – И измерьте таз. Тщательно, все размеры. А не абы как на глаз!

– Татьяна Георгиевна, я сама всё сделаю, не волнуйтесь! Идите, мы тут сами справимся. Через полчаса будет в родзале, туда и приходите! – заголосила Марго тоном пионерки-отличницы.

Мальцева кинула на подругу очередной испепеляющий взгляд. Но Маргоша была огнеупорная.

– Маргарита Андреевна, когда переведёте Катю в родзал, зайдёте ко мне в каби... Зайдёте ко мне *к себе* в кабинет! Всё! С этого момента я работаю в вашем кабинете!

Татьяна Георгиевна подошла к старшей, вытянула правую руку и несколько раз проже-стикулировала, сжимая и разжимая ладонь. Маргарита Андреевна со вздохом вынула из кармана связку ключей и отдала заведующей.

В кабинете Маргариты Андреевны невозможно было пройти из-за каких-то коробок, упаковок, карнизов, тюков и подобного прочего. Мальцева с испугом обзрела карнизы, увенчанные вычурными заглушками, и содрогнулась. Наверняка этот нелепого вида девайс предназначался для её кабинета. Она прошла к Маргошиному столу, оживила лептоп и решила изучить, что там за конференция по урогенитальным инфекциям. Стоило бы, конечно, послать туда Маковенко как молодого ординатора, но раз начмед решил, что ехать должна заведующая, и так собаку съевшая в обсервации на этих самых инфекциях, – то так тому и быть. Наверняка присутствовать они с Сёмой будут только на сходке «для своих» в честь открытия. И на банкете в честь закрытия. Всё остальное время проведут в койке и в романтических прогулках. Хотя март – то ещё время для романтических прогулок по Питеру. Так что вместо прогулок будут, скорее всего, рестораны. Но с программой стоит ознакомиться. На пару-тройку докладов стоит пойти. Конференция совместная с урологами. Возможно, что-то новое и будет. Хотя вряд ли.

Татьяна Георгиевна набрала в поисковике ключевые слова и открыла сайт питерской медицинской академии на страничке программы конференции. Ну разумеется, с докладом по инфекциям группы TORCH будет выступать профессор Елизавета Петровна Денисенко. Великий теоретик... Доцент Матвеев заявлен в совместном докладе с весьма знаменитым академиком-урологом. Этих надо послушать. Юрий Владимирович Матвеев хотя и редкостная язва, но в медицине, в отличие от профессора, соображает. Не смотри, что доцент, да и тот – по совместительству.

В кабинет внеслась Маргарита Андреевна.

– Что ты в моём компе лазаешь?! – возмутилась она.

– Так-так... – Мальцева сделал вид, что читает страницу. – Фигуристый шатен двадцати пяти лет прислал вам сообщение...

Маргарита Андреевна захлопнула крышку ноутбука, даже не заглядывая.

– У кого что болит. Меня фигуристые шатены двадцати пяти лет не интересуют. Нет, ну, может, и интересуют, да только я их не интересую!

– Маргоша, кто же такие объявления на сайте знакомств пишет! – Мальцева снова раскрыла лептоп и зачитала с монитора: «Не красавица, не худышка, но знакомые говорят, что обаятельная, смешливая и преданная. Сорок первый год». Чушь собачья! Вместе с собачьей же преданностью. Кто тебе сказал, что ты не красавица? И что это такое – «сорок первый год»? Звучит как объявление войны от Совинформбюро!

– Мне сорок первый год. Ну, соврала, скостила несколько лет. Вообще не знаю, зачем я это написала.

– Про сорок первый? Я тоже не знаю. Дату рождения ты в профайл вбила честную. Как человек, полностью выдрессированный отечественной бюрократической системой, и вообще – материально ответственное лицо.

– Да нет, я про сайт этот! – Марго полыхала всеми цветами заката.

– Да ладно, это забавно! Я сама как-то раз зарегистрировалась – пару дней развлекалась, как сумасшедшая.

– Ага. А Панин мне мозги пудрил из-за этих твоих развлечений.

– Короче, вот как надо! – Татьяна Георгиевна споро застучала по клавиатуре. – Красивая молодая женщина, обаятельная, длинноногая, стройная (но со всеми положенными упругими выпуклостями), с весёлым лёгким характером, ищет мужчину сорока-пятидесяти лет для совместного проведения времени. В браке и сожительстве не заинтересована, но и формат «тайная любовница» и «жилетка для поплакаться на жену и детишек» – не предлагать. Материально и жильём обеспечена, но пустопорожние альфонсы и высокодуховные нищebroды могут идти лесом. Любовь предпочитает равных.

– Шутишь, да?

– Изменить профайл? Да, дорогой! Измени-ка нам профайл! – И Татьяна Георгиевна с выходом и некоторой гусарской лихостью нажала на кнопку «Enter».

– Танька, что ты делаешь?!

– А ты что делаешь? – Мальцева захлопнула лептоп и сделал начальственное лицо. – Тащишь мне сюда в пять утра необследованную девицу, наверняка неконтрактную, да ещё и...

– С поперечносуженным тазом, – понурила голову Марго. – Тань, клянусь богом, чисто из ёбаного гуманизма! Девчонка эта с мамашей в соседнем подъезде живут. Там не жизнь, а чисто Горький, «На дне». Так ты что, из мести мою страничку загадила? – опомнилась Марго и посмотрела на подругу укоризненно.

– Из сострадания! Вечером откроешь почту – удивишься. Не это самое – так хоть согреешься. А с тем, что у тебя там прежде висело... Сорок первый год! Надо же! ... Кто сегодня в родзале дежурит?

– Маковенко. До шестнадцати ноль-ноль.

– Вот её и вызывай на свою девицу.

– Та-а-ань, ну поперечносуженный же таз!

– А я что могу сделать? Как природой суждено, так и...

– Слушай, ну там и так не...

– ...не жизнь, а чисто «На дне». Понятно. Но я-то тут при чём? И так по всему роддому разговоры, что в обсервации работает только Мальцева. Исключительно в связке со Шрамко. Где Мальцева – там и Шрамко. Где Шрамко – там и Мальцева. Ты сама журнал родов открой, почитай! А молодым где учиться? На трупах? Возникнут проблемы – не брошу. На то я и заведующая. А пока – Маковенко Светлана Борисовна. Всё равно баб сюси-пуси волнуют куда больше врачебной квалификации. Скажешь, что твой клиент – Маковенко вся сладкой влагой истечёт. Да и времени у неё больше, чем у меня. У меня сегодня плановое на пятом.

– Профессору ассистируешь? – ехидно засмеялась Маргарита Андреевна.

– Ага. Бартер у нас. Я ей «ассистирую», она за меня все подписи на допуск статьи в печать ставит. Долбаная ещё эта диссертация! Зачем я только ввязалась? – Татьяна Георгиевна

запустила руки в волосы и на несколько секунд закрыла глаза. – Так! Когда ты мой кабинет отремонтируешь, а?!

– Через неделю.

– Ты неделю назад говорила «через неделю»!

– Тань, ну то одно, то другое. В рекламе все такие правильные, а на деле – шабашники колхозные. Я же хочу, чтобы всё было качественно! Чтобы в едином стиле...

– Этого я и боюсь, – пробормотала себе под нос Мальцева.

– Что ты там фыркаешь?! Я наступила на горло собственной песне! Ничего розового. Всё, как ты любишь – в скучных пыльных тонах.

– Да?!

Татьяна Георгиевна бросила красноречивый взгляд на угрожающе фестончатые карнизы.

– Это не тебе, успокойся. Это на буфет. Кстати, а что там у тебя с форматными двадцатипятилетними шатенами? А Сёма почему тебя баиньки уложил, а сам к Варваре отправился? А где наш Волков Иван Спиридонович с его алюминиевой «Мандалой»?

– Маргарита Андреевна, проведите беседу с вверенным вам средним персоналом. У нас интерны по ночам трамадол пациенткам в вены льют. Мне не жалко. Я даже за. Но за одно место холодными руками возьмут вас. А всё почему? Потому что ваши подчинённые хранят медикаменты не слишком должным образом.

– Кто?! – аж задохнулась Марго, моментально забыв о перипетиях половой жизни подруги.

– Вот и разберитесь, кто. А я пошла. У вас в кабинете тоже невозможно работать. И, – Мальцева смягчила тон, – Маргоша, я не специально на твою страничку на сайте знакомств зашла. Я просто хотела посмотреть кое-какую информацию, а у тебя стартовая открылась.

– Да перестань. Во-первых, у меня от тебя нет секретов. А во-вторых – ерунда это всё. Полная чушь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.